

S-T-I-K-S. Опасный груз

Автор:

Артем Каменистый

S-T-I-K-S. Опасный груз

Артем Каменистый

НФБ: Миры Артема Каменистого S-T-I-K-S Похождения Карата #4

Стикс не любит иммунных, которым лень лишний шаг сделать. Но это не означает, что он в восторге от неугомонных путешественников. Скорее – наоборот. Хотите попасть на далекий и опасный южный берег? Попадете, не сомневайтесь, вам с этим помогут. Только, раз уж туда направляетесь, будьте добры, прихватите по пути посылочку... небольшую. И уж не взыщите, но вам обещали только содействие в переправе. Никто не гарантировал, что все получится без проблем...

Итак, в компании с верными друзьями Шустом, Дианой и котом Грандом Карат отправляется на встречу с таинственным Великим Знахарем, и путь их будет ой как непрост...

Артем Каменистый

S-T-I-K-S. Опасный груз

© Каменистый А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Глава 1

Город от подвалов до крыш пропитался трупной вонью, но даже на этом фоне атмосфера в подъезде заставила сильно пожалеть, что природа наделила человека обонянием. Смердело так, будто здесь разложились десятки тел, что, возможно, недалеко от истины. Однако Карат, не колеблясь, прошмыгнул за приоткрытую дверь и начал подниматься, осторожно переступая через разбросанные на ступенях кости. Человеческие кости. Судя по виду некоторых из них, тут поработали твари с мощными челюстями, и нет гарантии, что какая-нибудь из них не задержалась, пируя на остатках благоухающей гнили. Один неаккуратный шаг, и можно хрустнуть так, что даже начинающий зараженный услышит на последнем этаже.

А уж развитый мертвяк способен пожаловать на такое приглашение из соседнего дома.

Черт, до чего же много костей здесь разбросано! До неприличия много. Неудобно. Местами приходится делать остановки, тщательно выбирая место, куда можно поставить ступню без риска нашуметь. А это что такое? Цилиндрики из красного пластика, не надо даже нагибаться, чтобы опознать в них ружейные гильзы двенадцатого калибра. Кто-то неплохо пострелял из дробовика. А вот и само ружье, точнее, то, что от него осталось. Кто-то разбил приклад и жестоко согнул стволы. Искореженное оружие валялось на лестничной площадке между вторым и третьим этажами. Рядом с ним Карат углядел тесак причудливой формы и патронташ, не до конца опустошенный, а потому немедленно приватизированный.

На следующем лестничном пролете заметил рваный бронжилет, выглядевший так, будто его пережевали и выплюнули, залит кровью и небрежно облепив какими-то омерзительными ошметками.

Очень похоже, что здесь завершил свой жизненный путь человек, посвятивший немало времени подготовке к чему-то такому-эдакому: нашествию инопланетян, зомби-эпидемии, глобальной природной катастрофе или приезду тещи из Челябинска. В общем – «выживальщик».

К сожалению, ни в одном руководстве по выживанию не сказано, что в Стиксе больше шансов уцелеть не у тех, кто много и метко стреляет, а у тех, кто старается обходиться без стрельбы. Бедолага пытался от кого-то спастись здесь, сам себя загнав в тесноту подъезда. Проникнуть сюда после отключения электричества мог любой желающий, ведь перестал работать магнитный замок. Тварям, в принципе, стальная дверь – не преграда, но это, если говорить о развитых. Однако выживальщику поначалу пришлось иметь дело с мелочью, именно ее останками завалена лестница. Бедолага лихо валил всяких бегунов, возможно, даже успел возомнить себя крутым истребителем зомби.

Ну а потом на шум пришел кто-то большущий и некрасивый, обиженно проорчал на пальбу в упор, после чего сломал ружье и человеческую жизнь.

Ружье – зря. Хороший дробовик, не ширпотреб. Хотя, что бы Карат с ним делал? Ему лишний груз сейчас ни к чему.

Проклятая жадность...

Поднялся на следующую площадку. Здесь, несмотря на все меры предосторожности, облажался. Наступил краем подошвы на что-то мелкое и твердое. Под давлением ноги это нечто отскочило в сторону и покатило по бетону с металлическим звоном.

Да ведь это гильза от нарезного. Явно не пистолетная, что-то покрупнее поработало. И вон, в стене характерные выбоины. Что тут за побоище случилось? Выживальщик отстреливался не в одиночку?

Едва затих звон гильзы, как из распахнутых настежь дверей одной из квартир заурчали, и в полумраке показалась сгорбленная фигура. Опытным взглядом определив, что ничего особенного этот мертвяк из себя не представляет, Карат поднял руку и выстрелил из пистолета. Несмотря на глушитель, звук вышел приличным, да и пуля грохотнула по цели так, будто в чугунную сковороду попала, а не в голову. Зараженный, моментально заткнувшись, с костяным стуком припал на колени, после чего почти бесшумно завалился набок.

А Карат припал спиной к стене и закрутил головой. Слева и справа по две двери. Все распахнуто или выломаны из коробок. Если в этих квартирах укрываются другие мертвяки, им ничто не помешает выскочить в одно мгновение. Нашумел

он здесь изрядно, не услышать такое они не могли. За последний час уже четыре раза активировал ускорение, сил осталось всего чуть, если на носу висит перспектива вляпаться в серьезный бой, лучше пускай поработают пули, а не Дар Стикса.

Однако прошло пять секунд, десять, пятнадцать, и ничего не произошло. На одиночку нарвался? Да запросто. Мертвяк не выглядел проворным, скорее всего, начинающий бегун, а то и послабее тварь. В оккупированном зараженными городе такие часто становятся добычей более крутых монстров. Некоторые не настолько уж и тупые, понимают это и стараются держаться там, где меньше риск занять проблемы. Подъезд, заваленный объедками, – годный вариант для укрытия. Сидел здесь, потихоньку отъедался на тухлых костях, слух улучшился до того, что звук прокатившейся гильзы не упустил. Вот и высунулся, на свою беду, посмотреть, в чем дело.

Снизу послышался шум, очень похожий на тот, который могла издать дверь. Тяжелая дверь подъезда. Карат успел оценить ее солидный вид. Она оказалась приоткрытой, ему не пришлось тянуть створку, но вот тот, кто пожаловал сейчас, протиснуться не сумел.

Плохо. Очень плохо. Ведь Карат далеко не карлик, он мужчина не самой хлипкой комплекции. Не толстый, но и не дистрофик, поджарый и мускулистый, серьезно выглядит. Тот, кто сейчас проник в подъезд, скорее всего, комплекцией значительно его превосходит. И невозможно поверить в то, что вошедший решил пожаловать именно сейчас, без причины. Нет, этот кто-то расслышал с улицы одиночный выстрел из пистолета с глушителем и сумел определить, где именно стоит поискать источник интересного звука.

В таких городах, бывало, застревали одиночные жители с иммунитетом. Говорят, некоторые из них ухитрялись протягивать в окружении тварей до перезагрузки, погибая от нее по незнанию элементарных основ здешних реалий. Причуды Улья многочисленны и разнообразны: если новичок не переступает границу своего кластера, обычно нужда в споровом растворе у него занижена во много раз. Даже спустя несколько недель он способен не испытывать чрезмерные неудобства из-за отсутствия живчика. Карату уже доводилось с такими случаями сталкиваться.

Хотелось бы верить, что кто-то из местных здесь застрял. Почти свихнулся от ужаса и одиночества, а тут внезапно выстрел услышал. И моментально

вспыхнула надежда встретить собрата по несчастью, который, возможно, сумеет объяснить, что, собственно, за чертовщина здесь происходит.

Но нет, Карат в такие совпадения не верит. В подъезд пробралась тварь, и что хуже всего – рядом могут крутиться ее более тупые собратья, не понимающие, где именно нашумели. Если пустить в дело пистолет или тем более автомат, рискует заполучить ворох новых проблем.

А ему и прежних хватает.

Он только-только сумел сбросить со следа стаю, устроившую на него охоту. Начинать все по новой – это слишком много требовать от Фортуны. То, что кости Карата до сих пор не обглоданы, в основном ее заслуга. Без везения выжить посреди городского кластера можно, но только, если он не располагается на границе Пекла.

А возможно, и в самом Пекле. Только где она – та граница? Какие картографы станут проводить здесь точные замеры для ее определения?

Смешно...

Внизу хрустнуло. Похоже на тот самый звук, не издать который Карат старался всеми силами. Кто-то, не настолько осторожный, наступил на кость. Этот некто ее явно сломал. Подобное напрягает еще больше, намекая на то, что тварь размерами не обделена.

Вернув пистолет в кобуру, Карат вытянул из самодельного подобия патронташа дротик. Честно говоря, на дротик эта штукавина походила не очень. Двадцатисантиметровый прут из высокоуглеродистой стали, слегка заточенный на одном конце. Никакого намека на стабилизаторы, следовательно, в полете закрутится, попадет в цель непредсказуемо. Но другое название в голову не пришло, вот и закрепилось такое.

Встречать с жалкой пародией на оружие тварь, которую, возможно, крупнокалиберный пулемет не смутит? Да, выглядит такое поведение не сказать, чтобы умно, но у Карата на этот счет свои соображения. Да и дротик – вариант на тот случай, когда выпадет шанс справиться без автомата, который даже с глушителем гроыхает серьезно, а лишний шум сейчас нужен меньше

всего.

Вновь захрустело, на площадке между этажами в один миг возникла нехорошо выглядевшая фигура. Что-то сгорбленное, широкоплечее, с уродливыми, несимметрично развитыми буграми мышц. В сумерках детали не разглядеть, но не похоже на неразрешимую проблему. Что-то вроде развитого лотерейщика, не добравшегося еще до стадии изменения подошв, при которых должен постукивать по бетону на каждом шагу. Такого, удачно попав, можно и из пистолета свалить, а уж из автомата много везения не потребуется.

А можно и по-тихому.

Тварь заурчала, ее развитые чувства засекали близкую добычу. Опаснейший звук, в силу каких-то причуд Улья зараженные способны расслышать его издали. Потому Карат, не мешкая, взмахнул рукой, одновременно входя в состояние...

Что за состояние? Ускорение личного времени? Разгон организма до немыслимых скоростей? Теорию происходящего в такие моменты он так и не уяснил. Зато неплохо освоился с практикой, научился использовать свой дар филигранно, не пребывая в изнуряющем режиме ни одного лишнего мгновения.

Войти, будто в воду холодную окунуться, метнуть дротик, наводясь по хитроумной системе, разработанной опытным путем, вынырнуть в обычный мир, потянувшись к разгрузке за новым метательным снарядом.

Дистанция до твари метров семь, а дротик срывается с его руки на скорости в сотни метров в секунду, и на таком расстоянии не успевает не то что закувыркаться, он максимум на миллиметр хвост задирает или вихляет в сторону. Поэтому должен попасть острым концом. А весу в нем, между прочим, как в нескольких пулях для крупнокалиберного пулемета. По сути, Карат только что выпустил из ладони снаряд для автоматической пушки. Пусть и не со свойственной обычному снаряду начальной скоростью, но очень приличной.

Дротик пронзил зараженного насквозь, вылетел из спины, почти не замедлившись, и со всей дури врезался в стену. Все это произошло в одно мгновение, шлепок по мясу, хруст ломаемых костей и грохот удара о железобетон слились в единый неподражаемый звук.

И звук громкий. Очень громкий.

Ну а что еще ждать, если запускаешь из рук бронебойные снаряды?..

Мертвяк забулькал невнятно и рухнул темной грудой на пол. Тоже нашумел при этом, зато затих мгновенно, без конвульсий.

Крепко же его приложило.

Встав на изготовку со следующим дротиком, Карат начал мысленно отсчитывать секунды. На сто двадцатой прекратил этим заниматься. Либо звук остался неслышанным, либо не заинтересовал тварей, либо они не определились с источником. Однако всегда остается шанс, что кто-то сильно умный и опасный описывает круги, пытаясь отыскать виновника переполоха. Следовательно, расслабляться нельзя.

Да здесь нигде и никогда нельзя расслабляться.

Происшествие отняло несколько минут, и это скверно. Карат планировал забраться на крышу еще до того, как сильно стемнеет, но, увы, не повезло. В подъезде уже сгустился сумрак, не получалось, как раньше, просчитывать каждый шаг. Попытка ступнями елозить, раздвигая разбросанные кости, коих и выше позиции погибшего выживальщика хватало, но пару раз не уберегся, слегка нашумел.

В кармане разгрузки лежит фонарик, да и диод на рации можно использовать для подсветки. Но слишком рискованно, отблески могут заметить в окнах подъезда, а это куда более адресное приглашение, чем одиночный звук, раздавшийся неизвестно откуда.

Сейчас бы очень не помешал прибор ночного видения. У Карата такой есть, и не один, вот только они остались в убежище, до которого добраться непросто. Устраивая эту вылазку, он планировал справиться засветло, однако Улей не дружит с предсказуемостью, вот и пришлось застрять.

Неизвестно насколько.

На верхних этажах костяные россыпи иссякли, но Карат этого не знал и потому потерял прорву времени, продвигаясь с прежней неторопливой аккуратностью. Зато в конце улыбнулась удача – дверь, преграждающая путь на крышу, оказалась незапертой.

Выбравшись наверх, чуть слезу не пустил, начав дышать наконец почти нормальным воздухом. Пора бы свыкнуться с не самыми приятными запахами Стикса, вот только у носа иное мнение, никак не желал свыкаться.

Снаружи пусть и стемнело, но освещенность оказалась куда лучше, чем в подъезде. Карат убедился, что зараженных здесь нет. Также поблизости не просматривались высокие здания, с которых его могли засечь. В принципе, выбрав этот дом, он в последнем обстоятельстве был почти уверен, но вот именно, что почти. Застройка в городе сложная, место незнакомое, обзор снизу аховый, да и вездесущие твари мешали осмотреться. Поэтому точную информацию выяснить не смог.

Убедившись, что место безопасное, прошел к восточному краю крыши, присел за бортиком. Вытащил рацию, присоединил наушник с коротким проводком, включил. Все это на ощупь, не рискуя подсвечивать. Даже часы на руке без фосфоресцирующих цифр и стрелок, ведь это тоже минус к маскировке. Развитые твари нереально глазастые, ушастые и прочее-прочее.

А еще есть подозрения, что, помимо стандартного набора чувств, у них развиваются новые. Вроде умений у игроков. Опытные иммунные поголовно убеждены, что некоторые элитники способны с высокой точностью пеленговать источники радиосигналов.

Тот случай, когда лучше перестраховаться и поверить в самую несусветную чушь, если есть хоть мизерный шанс, что она поможет выжить. Элиты здесь, на границе Пекла, не сказать, чтобы чудовищно много, но попадается регулярно. Поэтому, еще в самом начале, только планируя заняться грабежом прибрежного города, троица единогласно установила четкое правило: на суше работать на передачу только в самых крайних случаях. А также установили, что, в случае если по какой-то причине придется разделиться, дежурные сеансы связи проводить каждые шесть часов.

Расстаться пришлось неожиданно, почти сразу после полудня. Сеанс в восемнадцать ноль-ноль Карат пропустил. В это время ему было не до связи – зараженные в затылок дышали, чудом выскочил из тисков выслеживающей его стаи. Да и не факт, что твари отстали, может, до сих пор рыщут вокруг. В вымершем городе не так уж много еды и развлечений для мертвяков, за шанс попробовать свежее мясо они готовы бороться долго.

Сколько сейчас времени, неизвестно – небо в тучах, стрелки не разглядеть. Исходя из освещенности на западе, можно предположить, что до полуночи примерно три с половиной часа. Срок приличный, как бы не уснуть в ожидании. Ну а что еще остается? Пытаться куда-то двигаться в полном мраке, после того как тут устроил переполох? Нет уж, твари теперь на взводе, а здесь и без этого не до прогулок.

Да и куда податься? Единственное, что приходит в голову, это направиться к реке или озеру. Но зараженные днем отрезали его от воды, заставив отступить прочь от берега. Пришлось километра на два от воды удалиться, а это чертовски много – приблизительно двадцать с лишним минут нормальной ходьбы. Вот только здесь нормально ходить не получится, здесь придется ползать, устраивать перебежки, ломать маршрут, обходя опасные места и многочисленных зараженных. И каждый шаг – риск. Риск попасться на глаза тварям или наследить, оставить запах. Разве поможет, что обувь и одежда пропитаны специальным составом? Крутых тварей этим не обманешь.

Надо ждать связи. Диана – девочка смышленная, должна все сделать как надо. В крайнем случае посоветуется с Шустом, а уж тот глупит только по пьяни.

А на борту сухой закон.

Строжайший.

* * *

– Крейсер вызывает моряков на берегу. Крейсер вызывает моряков на берегу. Крейсер вызывает...

Дернувшись, Карат открыл глаза. В одно мгновение вспомнил, кто он и что здесь делает. Недовольно поморщился. Растяпа, все же задремал до того конкретно, что это скорее следует называть сном. И то, что день выдался непростым, – его не оправдывает.

Что за крейсер? Что за моряки? Голос Дианы узнаваем, несмотря на помехи. Решила пошутить, изменив позывные? Ну да что с ребенка взять? Ей простительно.

Лишь бы и впрямь дурачилась, а не что-то другое. Карат здесь давно уже привык дуть на воду, для усиления беспокойства достаточно любого повода.

– Крейсер вызывает моряков на берегу. Если слышите меня, команда посовещалась и решила сделать закладки в точках шесть, одиннадцать и девятнадцать. Они самые легкие, если с воды подходить. И они ближе всего к месту нашего расставания. Завтра с утра оставляю там три пакета с очень громкими штучками. В точке шесть положу в раздевалку на пляже, в точке одиннадцать под красную машину, которая врезалась в дерево, в точке девятнадцать под мостом. Забрать потерявшихся моряков смогу в точке восемь, двенадцать или восемнадцать. Как только услышу и увижу работу громких штучек, подойду к нужному месту. Так что ты далеко от точек не уходи, чтобы я поняла, где именно тебя забирать. Удачи тебе, моряк, на берегу. Я верю, что ты меня слышишь. У тебя все получится. До завтра.

Вот и все. Вполне конкретная инструкция, несмотря на некоторую путаницу в количестве получателей послания.

Карат выключил рацию, вытащил из уха наушник. Сонливость словно рукой сняло, а это плохо.

Ему надо как следует отоспаться, ведь завтра намечается очередной интересный день.

Мертвяков было трое, и возможно, Карат нарвался на «зародыш» будущей опаснейшей стаи. Слишком уж серьезен лидер – по уровню развития на порядок превосходит парочку «подчиненных». Правда, и этих совсем уж никчемными не назовешь: не то начинающие лотерейщики, не то до предела развившиеся бегуны, бесспорную границу между этими разновидностями провести непросто. Однако вожак – другое дело, смахивает на матерого топтуна, но походка без характерного подпрыгивания и цоканья при каждом движении. Значит, разросшаяся костная ткань нижних конечностей уже пришла в норму, тварь пребывает в одном шаге от того, чтобы стать рубером – последней ступенькой перед элитой. Мощи в этой образине столько, что, если захочет, рельс для узкоколейки запросто вдвое согнет, а ударом когтистой пятерни порвет пятимиллиметровый стальной лист.

Самое неприятное заключается в том, что биологическая броня защищает уязвимые места с такой эффективностью, что без крупнокалиберного нарезного оружия на такую дичь выходить крайне рискованно.

Карат вооружен автоматом, увы, далеко не крупнокалиберным. К тому же патроны с ослабленным зарядом. В сочетании с установленным на ствол прибором бесшумной и беспламенной стрельбы это делает оружие достаточно приспособленным, чтобы при работе не возбуждать тварей на километры вокруг. Однако не обошлось и без немаленькой ложки дегтя – пробивная способность заметно снижена. А это крайне важно, когда имеешь дело с зараженным, который добрался до высокой стадии развития.

Мелкая парочка шумно обыскивала автобус, выглядевший так, будто его несколько раз взорвали, при этом ухитрившись обойтись без единого пятнышка копоти и прочих следов воздействия высокой температуры. Происходи дело в мире, где Карат провел первую, почти беззаботную часть жизни, пришлось бы поразиться странностям разрушительного воздействия, но здесь таким зрелищем даже шестилетнего ребенка не озадачишь. Все очевидно с первого взгляда, картина рядовая почти для любого кластера, простоявшего под небесами Уля не один день.

Этот кластер располагается на границе Пекла, поэтому полчища неслабых зараженных набегают на него со всех сторон чуть ли не в первую минуту после перезагрузки. Несколько развитых мертвяков легко сорвали крышу автобуса, после чего сытно перекусили пассажирами и водителем. Судя по масштабам разрушения и отдельным красноречивым следам, ни у кого из людей ни

малейшего шанса не было – слишком серьезные твари поработали.

Низшие члены зарождающейся стаи слишком тупоголовы – азартно шарят, беспечно гремят исковерканным металлом, обнюхивают каждую разгрызенную косточку. Запах привлекает, но вот толку от него ни на грамм, ведь над этими останками поработали такие зубы, после которых там даже гиенам делать нечего. Набравшийся ума вожак прекрасно понимает ситуацию и даже не косится в сторону автобуса, оставив его глуповатым подручным, зато вдумчиво посматривает на фасад дома, в подъезд которого Карат успел заскочить чуть ли не за секунду до того, как троица монстров вынеслась из-за громадины здания торгового центра. Спасибо, что электричества в городе давно нет, магнитные замки обесточены, это позволило успеть укрыться.

Но, похоже, вожак что-то чувствует. Запах? Вряд ли, ведь одежда и обувь Карата регулярно обрабатываются особым раствором, который, в разных вариациях, иммунные умеют приготавливать из легкодоступных ингредиентов. Это и само по себе неплохо обманывает нюх тварей, а если вдобавок ты тщательно следишь за гигиеной, не куришь и не употребляешь резко пахнущую пищу, твоя маскировка в «обонятельном диапазоне» улучшается в разы. Не настолько крутой мертвяк подвернулся, должен купиться.

А вдруг монстр ни о чем не догадывается и просто решил, что на улице все подчищено и следует поискать еду в доме? Может, и так, пойдешь поймаешь, что у этого уroda на уме. В таком случае задерживаться здесь, все равно что резвиться в море после объявления о приближении цунами. Карат это понимал с самого начала и поэтому осмотрел двери квартир на первом этаже. Все они, увы, оказались запертыми, взломать их бесшумно не получится, для такого требуются специфические таланты, или их замена – один из даров Улья, позволяющий манипулировать предметами.

Поискать выход через второй этаж – скверная идея. Окна квартир по другую сторону слишком бросаются в глаза, что в городе, кишасщем тварями, может стать причиной изменения и без того проблемной обстановки в совсем уж хреновую сторону.

Вот и приходится Карату торчать за чуть приоткрытой дверью, в узкую щель наблюдая за действиями мертвяков. Они тут уже минут десять тусуются, причем вожак как тарасился, так и тарасится в сторону дома. Ну сколько можно тянуть? Пускай или сваливает, или уже решается направиться к подъезду.

Первый вариант, бесспорно, предпочтительнее, но и второй приемлем – можно попытаться разделаться с троицей на лестничном пролете, при этом стены здания не позволят разлететься шуму схватки на весь город.

С такими делами надо поаккуратнее, – достаточно одного урчащего звука, чтобы набежали новые зараженные. В окрестностях их хватает, такой концентрации монстров на востоке Карат никогда не наблюдал, да и здесь, на западе, сталкивался лишь на этом кластере, облюбованном, в том числе, за его богатство: тут тебе и охота недурственная, и полезные вещи можно отыскать.

А это еще что такое? Вожак резко потерял интерес к направлению, которое в сотне мест успел просверлить колючими взглядами, суетливо обернулся в сторону автобуса, недовольно проорчал, сорвался с места, в несколько прыжков скрылся там, откуда появился, – за стеной торгового центра. Моментально забросив возню с тухлыми костями, мелкие лотерейщики припустили следом. Десять секунд, и улица стала пустынной. Карат понимал, что подобное впечатление обманчиво, даже с этой, далеко не самой удобной позиции можно разглядеть минимум две тройки бегунов, расположившихся прямо на проезжей части. Радует, что они не так уж близко отсюда, если не нагнать, ничего не заметят.

Мысленно досчитав до ста, решил, что настал момент заняться делом. Не исключено, что стая вернется и застигнет его на открытом месте, но с этим риском придется смириться.

Без риска на западе никак не обойтись.

Нет, выбираться на улицу не стал. Не просто так он шел к этому дому, прежде чем его покинуть, придется кое-что сделать. Стараясь шагать бесшумно, поднялся на последний – девятый этаж. Проход на крышу преграждала решетчатая дверь, закрытая на несерьезный замок, с которым Карат расправился при помощи именно для этих целей прихваченного ломика, ради бесшумной работы замотанного в тряпку. Тут бы справилась и кирка, или клюв – специфическое оружие рейдеров, но он до сих пор не сумел с ним свыкнуться, и к тому же оно не слишком гармонировало с одним немаловажным аспектом его дара, полученного от Улья, а именно – метанием смертоубийственных предметов в цель с высокими скоростями.

Морщась от нестерпимого смрада, здесь, наверху, почему-то ощущавшегося куда сильнее, чем у входа в подъезд, выглянул наружу, огляделся, убедился, что все обстоит именно так, как предполагалось – в округе нет домов выше этого. Но расслабляться не стоит, ведь некоторые вровень, и еще есть другие, поодаль, оттуда тоже могут разглядеть, развитые твари отличаются, в том числе, идеальным зрением. Поэтому шастать по крыше не стал, занялся своим делом, укрываясь за надстройкой над лифтовой шахтой.

Каким таким делом? На первый взгляд несерьезным – из пакета, оставленного Дианой на одной из озвученных по радиосвязи точек, достал гирлянду петард, связанных бечевкой, пропитанной раствором селитры, растянул ее по гудрону. Рядом установил картонную трубку фейерверка, к коему вел аналогично длинный фитиль из того же материала. Проведенные неоднократно испытания показывали, что его должно хватить минут на десять, после чего начнутся шумовые и визуальные эффекты, которым место на развеселом празднике, но никак не в провонявшем мертвечиной обезлюдевшем городе.

Работу пришлось прервать на минуту – от одной из ближайших высоток по глазам мазнул яркий солнечный отблеск. Но тревога оказалась ложной – всего лишь отражение солнца от оконного стекла.

Ну да, людей здесь быть не должно, а зараженные оптикой не пользуются.

Зашипела рация:

– Моряк, я тебя заметила. Поняла, где тебя встречать, буду через несколько минут.

Надо же – даже не пришлось шоу устраивать. Но не отменять же его, раз все готово. Это хороший способ, если надо заманить мертвяков со всей округи в одно место. Вот и пускай здесь отираются, глядишь, под это дело еще успеет заглянуть в одно из мест, намеченных вчера.

Пора! Карат поднес к соединенным концам фитилей пламя зажигалки, подождал, когда веревочки зашипели, разбрасывая искорки. Все, больше ему здесь делать нечего. Скривившись и задерживая дыхание, вернулся в зловонный подъезд. Если выдержать, не разевать рот до последнего, можно попытаться успеть преодолеть верхние, самые смрадные этажи. Дальше не сказать, что

запахнет чайными розами, но перетерпеть можно.

И Карат помчался вниз, перепрыгивая сразу через несколько ступенек и уже не думая о бесшумности. Тут вот-вот начнется такой концерт, что на километры слушатели проникнутся, надо успеть убраться отсюда до его начала, и если ради этого придется потоптаться со всей дури – он потопчется.

До места, где удастся дышать без рвотных позывов, придется спуститься на пять этажей. Если бегом и если ты не рохля – ничего невозможного в такой задержке дыхания нет. Но Карату пришлось вдохнуть полной грудью уже через три.

Потому что между третьим и вторым его ждали.

Если говорить точнее – не совсем ждали. В том смысле, что не стояли, подкарауливая, а поднимались по лестнице, по его следам. Прodelывали это бесшумно и прижимаясь к стенам, что позволило преследователям оставаться незамеченными до последнего.

Карат едва лбом не врезался в мертвяка.

Очень похож на недавно замеченного топтуна-переростка, или, как многие их называют – кусача. Тоже не дорос до рубера с его характерно основательными сегментами брони, устрашающе украшенными притупленными шипами. Но определенно не старый знакомый, поскольку сильно потрепан превратностями судьбы, оставившими на шкуре несколько отметин, походивших на следы попаданий серьезных пуль. Плюс левая рука оторвана по локоть. Оставшейся правой вполне достаточно, чтобы прикончить Карата в одну секунду, позволь только подобраться.

И ведь почти позволил – едва успел остановиться в начале лестничного пролета, в считанных шагах от резко оживившейся твари. Спасибо, что не забывал о бдительности, пусть и мчался вниз с долей беспечности, но автомат держал на изготовку: взведенным, снятым с предохранителя и посматривающим дулом вперед. Притормаживая, вскинул оружие и наяр уг уши – примитивный способ, подсказанный первым встреченным знахарем, закрепился на уровне рефлекса, Карат даже не пытался освоить другие механизмы активации дара.

Зачем, если этот вполне устраивает.

Даже руберам не очень-то нравится, когда их щедро осыпают автоматными пулями, а уж этому недоростку и подавно не понравится. Пускай вообще ни разу не продырявишь шкуру, все равно ошеломишь на какое-то время, заставишь зажмуриться от бьющих в морду потоков металла и пороховых газов. Но Карат не из тех, кто переводит десятки патронов там, где может хватить и одного. Да и прежде всего надо определиться с ситуацией.

Если перед ним одиночка, унюхавший добычу или даже случайно сюда забравшийся, – это одно; если нарвался на авангард стаи – совсем другое.

Не повезло – в узком просвете между пролетами просматривалась еще одна туша, а ниже следуют другие, минимум – пара. Заметны лишь фрагменты их ног, но этого вполне достаточно, чтобы понять – там не какие-нибудь хилые бегуны топчутся, там все серьезно.

Теперь понятно, почему давешний кусач оперативно слинял вместе со своими шестерками – он тогда не Карата засек, он принюхивался и приглядывался, пытаясь определить силу приближающейся стаи. Выяснив, что стая очень даже приличная, вспомнил тягу собратьев к такому не всеми одобряемому явлению, как малопривлекательный каннибализм, после чего поступил весьма благоразумно.

А вот Карат ничегошеньки не понял, полез напролом побаловаться с огнем, не подозревая о появлении опасных хищников. В стае, где кусачей пускают вперед, как разведку, на главных ролях могут пребывать самые опасные товарищи, вплоть до элиты. Некоторым из них ничего не стоит почуять след человека, который все меры против этого предпринимает. Не всегда, конечно, и, как правило, только свежий, но и этого хватит, чтобы не оставаться без вкусного десерта.

Итак, до выхода из дома остаются шесть этажей. Путь вниз один – по лестнице, и на этой самой лестнице располагаются минимум четыре твари, а максимум?..

Максимум – их может насчитываться сколько угодно – и десяток, и два, и три, а то и авангард многотысячной орды пожаловал.

Здесь запад, здесь это запросто.

Два выстрела в сложной манере: прицелиться в состоянии замедления, как можно более плавно придавить спусковой крючок, в тот момент, когда затворный рычаг под натиском пороховых газов дернется назад, выйти в обычный ход времени, экономя силы, затем вновь замедлиться и повторить.

Бил по глазам. Не факт, что прикончит или хотя бы серьезно покалечит, но это как минимум выведет тварь из душевного равновесия, ошеломит, подарит возможной жертве секунду-другую.

Попадание пули заставило мертвяка развернуться, его повело вбок, пришлось припасть на перила. Карат, швырнув в промежуток между пролетами ручную гранату, тоже начал разворачиваться.

Прорываться через лестницу – означает, что придется почти все время использовать дар. Его ресурсы не беспредельны, очень скоро настанет момент, когда ускоряться больше не удастся, Карат станет обычным человеком, без намека на сверхъестественные способности.

И кто знает, сколько тварей к тому моменту останутся на его пути?

И каких тварей – тоже интересный вопрос?..

Нет, прорываться вот так, нагло и грубо – нельзя. Но что остается, если выход всего один? Пробраться через крышу в другой подъезд, где нет «комитета по встрече»? И как это может выглядеть? Взрыв гранаты, возможно, может, и огорчит зараженных, но не настолько, чтобы они подарили беглецу минуту-другую форы.

Догонят влегкую, обычный человек не способен состязаться в скорости с монстрами.

Значит, придется использовать третий путь.

Карат, ощущая себя человеком, с двадцатиметровой вышки сигаящим в ледяную воду, там и сям утыканную вздымающимися со дна скальными пиками,

отключил дар, рванул назад, на ходу придавил спуск, не жалея патроны, высадил стекло в подъезде. Дальше выскочил на лоджию, которую коварные строители отделили от белого света уродливой бетонной решеткой. Пробраться сквозь нее наружу возможно лишь через широкие проемы сверху. Это оказалась самая расходная часть маршрута, заниматься преодолением преграды пришлось в состоянии ускорения, в противном случае твари свое не упустят, настигнут и ухватятся за пятки.

И не только ухватятся.

Еще не все осколки стекла успели упасть на пол, а Карат уже выбрался наружу, опасно свесившись на высоте шести с половиной этажей. Если не удержится, шмякнется на козырек подъезда. Причем станет в этом свершении не первопроходцем, ведь там можно разглядеть обглоданные кости предшественника.

Карат не стал цепляться, пытаюсь остановиться в столь неудобном положении, он, наоборот, позволил телу свеситься еще дальше и вывалился сознательно, уже в полете перебрасывая автомат за плечо.

Оружие еще пригодится, приходится беречь. Им он занимался одной рукой в промежутке между мигами низвержения в направлении все того же козырька. Почему мигами? Потому что то и дело выходил в ускоренный режим, хватался пятерней за бетон, придавал себе незначительное ускорение вверх. В итоге его падение со стороны выглядело странно: то сверзится на пару метров, то ненадолго зависнет или даже чуточку подпрыгнет.

Плывать, как все это выглядит, главное – не разбиться. Опыт подобных полетов у него уже имелся, но в прошлый раз все ограничивалось относительно скромной высотой и перебиранием руками по ветвям дерева. В этой ситуации куда сложнее, но Карат сразу понял – у него прекрасно получается, остатка сил хватит на спуск хоть с пятнадцатого этажа. Так что шестой – ерунда.

Лишь бы внизу никто не подкараулил, устраивать длительные забеги в состоянии ускорения Карат не способен.

Несмотря на все предосторожности, «посадка» вышла жесткой – не удержавшись на ногах, повалился на четвереньки, угодив ладонями в россыпь

дурно пахнущих костей. Подошвы отбило, они в один миг стали чужими, захотелось сделать остановку, дать им время, чтобы «пришли в себя», но об этом не может быть и речи. Карат дрожащей шкурой ощущал, как вереница монстров, забравшаяся в подъезд, стремительно меняет курс. Вот-вот первые начнут выскакивать из подъездных дверей.

Но он ошибся – первый показался вовсе не оттуда. Уже свешиваясь с края козырька, Карат, задрав голову, заметил, как через бетонную решетку наружу выбирается увесистый такой мертвяк – с четверть тонны, не меньше. И человек, и монстр полетели одновременно, вот только первый метров с трех, а второму пришлось преодолеть куда больше.

Оказавшись на асфальте, Карат выдернул кольцо из запала последней гранаты и вместо того, чтобы метнуть ее в дверь подъезда, забросил на козырек. Авось на секунду-другую это тварь отвлечет, да и в сочетании с ошеломлением после падения выгадать удастся куда больше.

Упала, к слову, с таким шумом, что Карат даже удивился – под такой аккомпанемент должно было снести козырек, но ничего подобного не произошло.

Улепетывать пришлось вдоль дома, держась вплотную к стене, чтобы не словить спиной порцию осколков. На взрыв гранаты даже не обернулся, некогда ерундой заниматься, сейчас все внимание переключено на скорость бега и перезарядку автомата. Так себе оружие, против серьезных преследователей не играет, но оно куда эффективнее метательных ножей, стальных шариков и прочих железяк, которыми Карат приловчился пользоваться при активированном даре.

Позади заурчали в несколько глоток. Уши, наловчившиеся воспринимать интонации «речи» зараженных, сочли звуки странноватыми – мертвяки проявляли недовольство, а ведь эмоции должны быть другими, тут ведь дичь перед глазами, догнать ее несложно.

Радоваться надо. Предвкушать.

Не выдержав, уже заворачивая за угол, обернулся, успев бросить короткий взгляд. Не все детали сумел разглядеть, но понял главное – монстров подвела собственная торопливость. Рванули к выходу одновременно, отчего в узости

дверей возникла давка, туши ведь немаленькие. Надолго это погоню не задержит, к тому же парочка зараженных вырвалась на простор – оба избрали «воздушный» путь, вроде как благополучно пережив жесткое приземление на козырек. Даже не понять, какой из них попал под взрыв гранаты, оба выглядят одинаково – невредимыми, но не слишком шустрыми. Должно быть, результат ошеломления от падения.

Весу в каждом два-три центнера, но это не сказывается на скорости – шансы победить есть лишь в спринте при хорошей форе. Фора так себе получилась, а спринт предстоит опасно затяжной, значит, придется что-то решать.

Но пока еще есть чуть времени, о том, как сбросить эту парочку с хвоста, надо будет плотно подумать секунд через двадцать. А сейчас на ходу покосился налево и направо – проверить, не увязался ли еще кто-нибудь. Разрывы гранат слышно издали, в городе, плотно оккупированном зараженными, такие звуки игнорировать не принято.

Слева чисто, а вот справа все плохо – из-за торгового центра показалась уже знакомая тройка. Не удержались от соблазна, превозмогли страх перед чужой стаей, мчатся прямой наводкой, не догадываясь сделать это наперерез, упреждая. Тем лучше для Карата – несколько мгновений выгадает.

Сзади поджигают все те же хари, и слева трое новых, – их слишком много, чтобы решить вопрос радикально. Нет, силенки пока имеются, если потратить их на самых опасных мертвяков, а парочку оставшихся пристрелить без лишних ухищрений, должно хватить. Но даже если номер выгорит, это займет время. Слишком много времени. А там, за спиной, в дверях подъезда удачно возникшая пробка, которую, может, уже прорвало, а может, вот-вот прорвет, но нет сомнений – вырвавшиеся твари догонят и порвут, расклад полностью в их пользу.

Значит, радикально разбираться не стоит. Надо всего лишь чуть охладить ближайших преследователей, выгадать несколько секунд, бежать-то осталось всего ничего.

Большое спасибо, что к выбору места для фейерверка Карат отнесся столь ответственно. Был соблазн устроить зараженным приманку поглубже в застройке, но понимая, что в случае серьезной заварухи может не уйти,

передумал.

Весьма мудрое решение, но даже так, в лучшем случае, успеет убраться, уже ощущая зловонное дыхание на затылке.

Добежав до монументальной остановки общественного транспорта, развернулся, вскидывая автомат и одновременно включая дар. Практика – великая сила, мир стал неподвижным именно в тот миг, когда ближайший мертвяк почти попал в прицел. Осталось лишь чуть подкорректировать положение оружия, причем Карат даже не пытался поразить тварь в голову или хотя бы в грудь, – мишенью он выбрал колено. Этот зараженный опасен, в том числе приличной биологической броней, вот только у него она не слишком развита, защищает лишь самое важное, почти игнорируя множество мест, которые стоило бы оберегать от знакомства с пулями.

Выстрел. Еще один. Есть, получилось, хотя монстр жив и имеет все шансы быстро восстановиться. Вот только не настолько быстро, чтобы продолжать погоню с прежней прытью.

Еще выстрел, еще и еще. Третьего из самых опасных Карат остановил уже в десятке шагов – и правда шустрый, почти догнал. Этому пришлось поразить оба коленных сустава, слишком уж опасным показался, того и гляди, на одной ноге сумеет доскакать.

Парочка мелких лотерейщиков заметно отстала, но все равно слишком близко подобралась, недопустимо близко. Карат намеревался и им выделить несколько пуль, но, покосившись в сторону злополучной девятиэтажки, понял, что на это нет времени, – затор там наконец прорвало, из-за угла вынеслись сразу четыре мертвяка, один другого краше. И к сожалению, некоторым из них автоматный выстрел в колено столь же опасен, как размашистые удары соломинкой по черепе.

Прекратив стрельбу, Карат припустил что было мочи. Если первоначально он опасался тех, самых отставших, то теперь с унынием осознал, что это дальние угрозы. Парадокс, но бояться сейчас надо именно лотерейщиков. При всей их недоразвитости они достаточно быстры и сильны, чтобы даже в одиночку в пару секунд искалечить тебя, а то и на куски порвать.

А двое проделают это еще быстрее.

Если попытаться вывести их из игры, потеряет время на развороты, выходы и входы в ускорение, что значительно увеличит шансы отставших преследователей. Значит, остается одно – бежать как следует.

Как никогда в жизни не бегал.

Перескакивая через ограждение, тянувшееся здесь вдоль дороги, старался не коситься на целую ораву мелких бегунов, появившихся слева, в небольшом скверике. Здесь наконец сбросил пустой рюкзак. Даже развитые лотерейщики обычно не блещут великим интеллектом, глядишь, один, а то и двое, отвлекутся, чтобы обнюхать непонятную вещь, отвалившуюся от дичи. Шансы на это – так себе, внимание у них поглощено близкой добычей, но кто знает, вдруг повезет.

Дальше путь пролегал по бетонному скосу набережной. Передвигаться по нему не слишком удобно, особенно в быстром темпе, но если не спуститься в этом месте, дальше начнет мешать еще одна ограда. Слишком высокая, чтобы перепрыгнуть с ходу, потеряет время и темп, а это почти верная смерть.

Всего-то под сотню метров осталось, нужно поднажать. Тренированный легкоатлет на нормальной дорожке осилит такую дистанцию секунд за десять-одиннадцать, но Карат не в тех условиях, ему и за пятнадцать не управиться. По внутренним ощущениям, которым в Улье принято доверять, лотерейщики догонят его через двенадцать, а основная лавина преследователей навалится через двадцать пять.

И кровавыми клочками размажет по бетону то, что не успеет отхватить от тела парочка лидеров.

Остановиться и прострелить лотерейщикам колени? Ну да, можно и так, вот только все те же проблемы навалятся: скорость обнулилась, время потеряно, и тогда приходится иметь дело с кучей куда более опасных противников.

Но выход имеется – можно с разбегу сигануть в воду. Глубина тут на вид не меньше метра, а дальше должна увеличиваться. Если лотерейщики с ходу не допрыгнут, есть шанс уйти, ведь пловцы из мелких тварей никудышные.

Но там присутствует другой риск – среди преследователей запросто могут отыскаться рекордсмены, которым впору состязаться с рыбами. Догонят и перегонят, при желании такие твари плавают очень даже достойно.

Но какая этому альтернатива?

Разумом ни на что не решившись, Карат на инстинктах, сбивая дыхание, придавил на рации кнопку передачи и прокричал:

– Ди! Сваливай! Уплывай!

Девочка где-то здесь должна ждать. Она понятливая, недаром до сих пор жива, в отличие от многих и многих ей подобных. Трех слов должно хватить.

Ну а теперь самое время и о себе родимом позаботиться.

Карат уже было метнулся ниже, примеряясь, как бы половчее войти в воду, но тут совершенно неожиданно впереди треснул винтовочный выстрел. Одновременно с ним он расслышал характерный звук удара пули по чему-то твердому и вряд ли живому. Еще не понимая, в чем дело, сделал вывод, что, скорее всего, имеет место попадание в бетонную плиту набережной с последующим рикошетом.

А уже потом дошло – в чем тут дело.

Диана и не подумала никуда уплывать. Высунувшись из кустов, разросшихся в том месте, где бетонная облицовка уже закончилась, а песок городского пляжа еще не начался, она, припав на колени и вскинув к плечу немаленькую для габаритов девочки винтовку, сосредоточенно целилась в сторону Карата, но больше не стреляла. Понимая, в чем причина, и также понимая, что кричать бессмысленно и даже вредно, внутренне чертыхаясь, подвернул чуть вправо, вновь взбираясь по наклонным плитам.

Лотерейщики вот-вот на пятки наступать начнут, этот зигзаг на мгновение даст Диане возможность прицелиться, не опасаясь попасть в Карата.

Выстрел. За спиной самой приятной музыкой недовольно проурчали. Еще выстрел, еще. Опять недовольный голосок и, что втрое приятнее – шум падения немаленького тела.

Кого-то конкретно зацепило.

Уже не задумываясь об экономии сил, активировал дар, разворачиваясь и чуть поудобнее перехватывая автомат. Увидел, что один лотерейщик застыл в нелепом положении – кувыркаясь через голову. Второй мчится резво, наклонив тело в рывке, дай ему пару секунд, и не просто дотянется, а и на вкус попробовать успеет.

Прицелившись в середину груди, Карат отключил дар, добавив в этот миг спусковой крючок.

Физику не обманешь – непогашенная инерция разбега бросила тело дальше, заваливая на спину. Но это не помешало выпустить очередь. Лотерейщик опасен лишь для плохо вооруженного, автомат ему противопоказан даже без бронебойных пуль. Да что там говорить, пистолет в умелых руках тоже способен доставить твари немало проблем.

Да и пистолеты бывают разные, некоторые и в неумелых наворотят таких дел, что и автоматы позавидуют.

Диана в этот миг тоже выстрелила, но результат Карат не увидел, потому что покатился кубарем, то ускоряясь, то замедляясь, активируя дар дозированно, только чтобы не потерять скорость и побыстрее вскочить без утраты равновесия.

Сейчас за каждое мгновение надо сражаться, как за последний глоток воздуха в атмосфере, – успел разглядеть, что основная волна погони скатывается к воде. И там даже не четыре твари, там их минимум штук семь, одна другой краше. Может, обошлось и без элиты, но позитива в этом немного, ведь отбиться от такой оравы не удастся даже с полным запасом сил.

Идеально вскочить не получилось, подвел наклон бетонной плиты – левая нога чуть подвернулась, тело занесло, но, еще раз ускорившись, поправил положение, не рискуя справляться с затруднением в обычном режиме.

Не хватало еще в такой момент повредить ступню.

Напоследок ускорился на самом краю бетона, чтобы прыгнуть как можно дальше, оставив под ногами невысокий заборчик. Приземлился удачно, заорав при этом вновь куда-то выстрелившей девочке:

– В лодку! Отчаливаем!

Карат прекрасно понимал, что от Дианы многого ждать не следует. Не те у нее силенки, чтобы оперативно увести от берега здоровенную дюралюминиевую лодку с немаленьким мотором. Но пусть хотя бы начнет это делать, ведь ей и бежать никуда не придется, до плавсредства от позиции девочки не больше пяти метров.

Как выяснилось спустя три секунды, Диана тоже понимала, что ее усилия при таком раскладе ничего не стоят, и поступила очень даже мудро – забравшись в лодку, подхватила весло, уперла его в дно, поставив вертикально, да так и замерла.

Все понятно – надеется на помощь от напарника и приготовила все, что, по ее мнению, ему понадобится в первую очередь.

Не та ситуация, чтобы забираться на борт. Вместо этого всем телом врезался в него с разбега, забежав в воду по колени и игнорируя боль от неслабого соударения. Автомат отбросил в сторону носа, не думая о риске повредить высокотехнологичный прицел, затем одной рукой уперся в планшир, другой ухватил весло, поднатужился, отталкиваясь.

В старые добрые времена это место, по всем признакам, пользовалось популярностью среди горожан, особенно в жаркие дни. Но, хотя сегодняшней холодным не назовешь, все сильно изменилось: тварям здесь неинтересно, потому не забредают, а именно этот уголок плохо просматривается издали, при желании здесь можно много чего припрятать.

Однако не обошлось без минуса – насыпной этот пляж или естественный, но рельеф дна не способствует быстрому отрыву от погони. Слишком плавно увеличивается глубина, лодка тяжелая, инерция ее велика, да и без такой

нагрузки быстро мчаться по пояс в воде не очень-то получается.

Карат, стараясь изо всех сил, напряженно выдохнул:

- Ди, стреляй! Задержи их!

Тяжелой снайперкой пользоваться в лодке пусть и сложно, но можно. Увы, только не в том случае, когда ты школьница не самого старшего класса с несерьезной комплекцией. Значит, остаются винтовка для охоты на среднюю дичь и автомат, а они не очень-то играют против крутых зараженных.

Да плевать, пусть хотя бы полсекунды выгадает - уже хоть что-то.

Выстрелы, плеск воды под носом лодки и позади, за кормой, где с берега набегают все новые и новые твари. Карат не оглядывался, не до этого сейчас, зато мог во всей красе созерцать напряженное лицо девочки, выпускающей пулю за пулей. Не похоже, что ситуация критическая до безнадежной. При всем не вполне детском характере Дианы, хладнокровие у нее работает лишь до определенного момента. А дальше неминуемый срыв и круглые глаза растерянного ребенка. Но нет, нормально смотрится, значит, до крайней черты еще не дошла.

Дойдет, если продолжать и дальше так копошиться. Придется растрчивать остатки сил, не прекращая при этом отталкивать лодку.

Дно, поначалу песчаное, начало поддаваться, размягчаться, а затем и вовсе ушло из-под ног. Должно быть, пляж и правда искусственный, и Карат добрался до конца подводной насыпи. Прекрасно, тварям, с их не рекордными задатками пловцов, здесь не понравится.

Вдвойне прекрасно, что напоследок сумел хорошенько оттолкнуться. Затем, правда, пришлось вымокнуть чуть ли не по грудь, но дело того стоило. Даже не думая забираться на борт, продолжал удерживаться за лодку одной рукой, а второй работал, отталкиваясь веслом от все глубже и глубже уходившего дна. Диана, успев разрядить и винтовку, и автомат, занималась тем же самым, но с другой стороны. Силенок у нее немного, но сейчас и они весьма кстати.

Только когда шестое чувство подсказало, что угроза отступила, Карат забарахтался, неуклюже заполз в лодку, заливая ее потоками воды, хлынувшими с одежды. Сушиться придется конкретно, в том числе это ждет рацию, патроны, пистолет и прочее добро.

Ну да это вообще-то нулевая цена за спасение.

Лишь сейчас сумел наконец обернуться и относительно спокойно оценить обстановку. Ничего нового для себя не узнал, – все, как подсказывал слух, жизненный опыт и то, что принято списывать на интуицию. Полдюжину самых быstroногих мертвяков, вздымая фонтаны брызг, мчатся по мелководью, за ними, сильно растянувшись по набережной, торопятся еще в два раза больше тварей. Элитников не видать, но как минимум одного можно назвать матерым рубером, еще парочка недалеко от него отстала.

Карат на рассматривание время не тратил, это так, мимоходом в глаза бросилось. Основное внимание уделял работе с веслом. Устроившись на корме, молотил им то по одной стороне, то по другой. До дна дотянуться уже не пытался, работал лопастью. Тяжелая лодка, успев разогнаться, скорость снижала неспешно, все, что сейчас требовалось, не давать ей падать до нуля, а на это требуется не так уж много усилий.

– Заводи мотор! – крикнула Диана, все так же пытаюсь помочь.

Карат даже ухом не повел, потому как получше девочки знал, сколько времени потратит на возню с движком. Рассекавший городской кластер отрезок речного русла, приставленный механизмом Улья к огромному озеру, мелководностью не грешил. Даже здесь зараженные уже не смогут дотягиваться ступнями до дна, а плавают они неохотно и так себе, если речь не заходит об элите.

Элиты пока что не видать, значит, можно расслабиться.

Спустя две минуты Карат, уже никуда не торопясь, удалялся от берега на обеих веслах, вставленных в работающие без скрипа уключины. В сотне метров позади, в воде, барахтались несколько тварей. Они уже не стремились догнать, лишь пытались вернуться на сушу, и почти все при этом демонстрировали крайнюю степень неповоротливости.

На суше – идеальные машины убийства, живучие, сильные, стремительные и ловкие, но в воде смотрятся так себе.

Диана, успев перезарядить свою винтовку, в сторону удаляющегося берега поглядывала кровожадно и не удержалась от вопроса:

– Может, еще по ним пострелять?

Карат, не сводя взгляда с набережной, на которой бесновалось уже не меньше полсотни самых разных тварей, покачал головой:

– Нет, не надо патроны переводить.

– Ага, и правда лучше не надо. Прикольно мы их раздраконили, вон сколько набежало, целый митинг собрался.

– Твоя винтовка их и раздраконила, я-то тихо уходил, и мои выстрелы издалека не услышишь.

– Так это же хорошо, пусть вообще все сюда сбегаются. Вон как волнуются, даже мелкие крупных бояться перестали, в одну кучу собрались и на нас тарашатся.

– Это ненадолго. Сейчас заработают петарды и салюты с крыши, они сразу на новые звуки переключатся.

– Ты как? Все нормально?

– Вроде живой.

– Вижу, что живой. Мы волновались за тебя.

– А уж как я за себя волновался...

– Заводи мотор или ты домой на веслах идти собрался?

– Домой рановато, день только начался.

- Тебе что, мало приключений?! Ты ведь устал.
- Чуток силенок осталось.
- И что мы будем делать?
- Для начала попробую подсушить одежду.
- А что потом?
- Что-что... То и будем... Забыла, зачем мы вообще сюда пришли?
- И что, отменять не станешь? После такого? – Диана указала на берег.
- А что изменилось? Нашумели тут? Так мы и собирались нашуметь. Сейчас за островом чуть пересидим, обсушусь, и займемся делом. И так сутки впустую потеряли.

Глава 3

При всей своей жестокой сути Улей дает иммунным все, что им требуется для выживания: одежду, пищу и воду, спораны и растворяющий их алкоголь, транспорт, чтобы спастись бегством, и оружие, чтобы сражаться. Весь этот список неисчерпаем, сколько бы ты ни прибрал к рукам, все равно немало останется, потому что имеет место непрерывное пополнение.

Понимающему человеку требуется не так уж и много, но случаются ситуации, когда жадность не помешает. Общество иммунных держится в том числе за счет торговых отношений. Действо, задуманное Каратом после плотного общения с Пастором, неизбежно приведет к контактам с другими обитателями Стикса. Очень может быть, что некоторым из них придется платить, причем неизвестно сколько. Поэтому, пользуясь периодом вынужденного безделья, он не упускал шанса поправить материальное положение скромного отряда.

Лишь Стикс и люди вроде сектантов-килдингов знают период перезагрузки этого кластера, впрочем, последние могут ошибиться, потому как цифра, раз за разом срабатывая с точностью до секунды, внезапно может дать сбой.

Улей, он такой – непредсказуемый.

Понятно лишь одно – этот кусок, вырезанный или скопированный из очередного фрагмента Мультиверсума, пробыл здесь не одну неделю. Мясорубка первых дней, с массовым перерождением начинающих зараженных и охотой на ничего не соображающих свежее испеченных иммунных, осталась в прошлом. Городские кварталы зачищены от прежних обитателей, те из горожан, кому слегка повезло, выжили, но вряд ли к их унылому существованию вообще применимо слово «жизнь». По улицам бродят матерые хищники, набежавшие после перезагрузки, доедают последние крохи, не брезгуя перекусить слабыми соплеменниками. Пройдет некоторое время, и все закрутится по новой, ненадолго наполнив кластер жизнью и ужасом.

Но есть еще кое-что, совершенно неинтересное монстрам – материальные блага. Все, что нельзя сожрать, они игнорируют, а вот иммунные поступают так далеко не всегда. Зачем пренебрегать тем, что умерший город способен дать полный список необходимого, причем бесплатно, лишь по праву первопроходца. От тебя требуется лишь одно, и это не деньги, – просто успеешь опередить конкурентов. Но здесь Запад, далекий Запад, почти Пекло, сюда добираются немногие и нечасто, потому схваток за богатые «поляны» и прочего ажиотажа не наблюдается.

Карат вот добрался.

Почему бы и не прибрать к рукам бесхозное добро? Все равно ведь прямо сейчас выступать в дорогу рискованно, Шуст еще не полностью оклемался. Вот и выдалась возможность день за днем наведываться в мертвый город, устраивая короткие вылазки, не рискуя удаляться от воды. При малейшем шорохе мгновенный рывок назад, к лодке, и бегом прочь, на веслах или моторе.

Вчера, правда, схема дала сбой, но, к счастью, обошлось лишь потерей времени, а не здоровья или даже жизни. Следовательно, по суровым меркам Улья – удачно сходили.

Чтобы уменьшить риск, перед вылазками, на местах, где возможен скрытный подход, обустроивали акустические приманки. Твари тупые, громкие звуки не игнорируют, сбегаются со всех сторон, в том числе и с той, где им вообще не следует находиться, ведь именно там лежит то, что планируется прибрать к рукам.

Вчера отвлекающий маневр не очень-то задался, да и сегодня не обошлось без непредвиденных приключений. Но нельзя не признать, что итог вышел не хуже (а то и получше), чем обычно. Зараженных попросили отойти в сторонку столь настойчиво, что устоять никак невозможно.

Теперь осталось сделать то, ради чего этот маневр, собственно, затевался.

* * *

Карат, присев за раскуроченной до печального состояния малолитражкой, оглянулся. Спуск к воде не просматривался, но он не сомневался, что там, внизу, возле первой опоры моста так и болтается лодка. Борта ее обвешаны связками веток и стеблей камыша, Диана облачена в маскировочную накидку и приучена совершать поменьше движений. Издали, со стороны, разглядеть ее позицию можно, но зрение тварей, заточенное на движение, или резко выделяющиеся на местности предметы, зачастую напрочь игнорирует скучный с виду объект.

На мосту, который за спиной, никого не видать. Только остовы разбитых и чуть ли не в блины расплющенных машин. Чем это их так приголубили? Не похоже, что друг в дружку врезались. Танками подавили? Сомнительно, ничего похожего на тяжелую бронетехнику или неоспоримые следы ее действий Карат в городе ни разу не замечал. Возможно, кто-то, как это часто бывает со свежеприбывшими, сбрендил и катался, игнорируя все правила, на карьерном грузовике или чем-то подобном. Ну да какая разница, все это осталось в прошлом, а сейчас тыл чист, над головой Дианы опасности нет.

Подняв к глазам малогабаритный бинокль, Карат изучил противоположный берег, тянувшийся метрах в двухстах. Дорожки, по которым не так давно разгуливали не знавшие лиха горожане, безлюдны, среди зеленых насаждений ничего не просматривается.

Хотя...

Это ветка шевельнулась или нервишки шутят со зрением? Нет, всего лишь птица на тощем деревце резвится. Вот кому хорошо на свете живется, несмотря на беспечное поведение, Стиксу до пернатых добираться непросто. Правда, если подумать, здесь что-то не так. Ведь их сюда много заносит при перезагрузках, если зараженным они не по зубам, что получается? А получается, Улей давно должны были плотно заполнить воробьи, голуби, вороны, утки и прочие летающие создания. Но этого не наблюдается.

Почему?

Почему-почему?.. Да по кочану. Что-то не дает разрастаться поголовью птиц до неприличия. Стикс устроен сложно, поди пойми, что у него припасено для обладателей перьевого покрова. Неуместные мысли для того, кто пришел сюда заниматься важным делом.

А дело отличалось от всех прежних. На местном криминальном счету за Каратом и Дианой уже числятся ограбления двух полицейских машин и одной инкассаторской, обыск останков зараженных, коих горожане, прежде чем повторить судьбу мамонтов, успели переколотить немало, пополнение запаса продовольствия за счет местных магазинов и другие занятия, впрочем, не принесшие солидных дивидендов.

Но сейчас, возможно, все пройдет по-другому. В это место Карат сунулся не наобум. Как прочие районы действий, выбирал его тщательно, изучая берег с воды при помощи бинокля, а в особых случаях прибегая к мощной подзорной трубе. Вот и здесь она пригодилась, когда внимание привлекло отдельно стоящее невысокое здание с укрепленными массивными решетками окнами. При помощи мощной оптики удалось разглядеть мелкие детали, в том числе и скромную вывеску, на которой хватало полезной информации. Если ей верить, в этом магазине в хорошие времена торговали всем, в чем нуждаются туристы и рыболовы.

И про охотников тоже не забыли.

Гражданские винтовки и тем более ружья – не первостатейный товар для Улья, зато спросом пользуются повсеместно. Жаль, по соотношению цены и веса с

ними в такой ситуации вряд ли имеет смысл связываться. А вот патроны – другое дело. Да, бронебойные охотникам не продают, но и для обычных покупателей найдется в любом стабе. Их популярность высока, расходуются быстро, сколько ни привези, пресыщения рынка не вызовешь.

Даже одна удачная ходка с вместительным рюкзаком может заметно поправить материальное положение. С учетом того, что насобирали на месте убийства скребберов и последующего разгрома команды бироновских прихвостней, очень даже неплохо можно приподняться. Хуже нет, если при поездке в дальние края попадешь в ситуацию, когда в кармане вошь на аркане. А это в Улье запросто, не забылось еще, как в Полисе попадали на большие деньги.

Одно хреново – магазин располагается слишком далеко от воды. Но зато путь к нему загроможден машинами. Когда все случилось, светофоры работать перестали, автомобильное движение парализовало, а вскоре и твари подоспели. Где-то техника даже сгореть успела, где-то разбита в хлам, где-то стоит как новенькая, но во всех трех случаях она поможет пробираться относительно незаметно.

Что там левее? Тройка бегунов? Карат теперь знает, где они, показываться на глаза не станет.

Спешка до добра не доводит. Вот и не торопился выбираться, раз за разом осматривал нагромождения машин, подворотни, остановки общественного транспорта и прочие места, где чаще всего ошиваются зараженные. Заметил еще несколько пар и троек бегунов, и один раз, далеко справа, промелькнул кто-то быстрый и большой. Детали разглядеть не удалось, но определенно не элита, что радует.

Выжав из первого укрытия все, что получилось, Карат переместился к другой машине, откуда открывалась возможность изучить пару скрывавшихся прежде участков.

И почти мгновенно заметил интересное – метрах в ста, выше по улице, на не загроможденном машинами пяточке, даже без бинокля удалось разглядеть полезные для иммунных вещи. Но оптика все же надежнее, и потому припал глазами к окулярам.

Так и есть: пара автоматов и ручной пулемет валяются бесхозно на асфальте. И зеленый рюкзак рядом с ними разлегался, в окружении живописно разбросанных магазинов. А что за ним? Ба, да это у нас цинк с патронами, по виду нераспечатанный.

Тот случай, когда стволы оставлять нельзя, ведь это армейское автоматическое оружие, да еще и под ходовой в этих краях патрон. Такой хабар везде с радостью заберут, дав побольше, чем за рядовые гражданские стволы из первого попавшегося магазина. И идти далеко не потребуется, путь удобный, подбирайся, хватай и оттаскивай к Диане. Считанные минуты займет, не нарушив планы.

То есть после можно успеть еще и к магазину сгонять.

Вот только Карат не торопился покинуть укрытие, чтобы потом, прячась за машинами, с улыбкой идиота, узревшего цветастую игрушку, подбираться к разбросанным по асфальту материальным ценностям. А все потому, что новая жизнь научила его перед любым действием задавать себе простые вопросы. Особенно если на ровном месте с небес сваливается подарок. Дурак неминуемо обрадуется до слюней, а умный первым делом подумает, что никакой это не подарок, а самая что ни на есть приманка.

Вот что там делает все это добро? Почему лежит так, будто его не обронили в спешке, а разложили тщательно, на видном месте, чтобы желающие разглядывали богатства во всей красе? Ладно, допустим, рюкзак под завязку набит магазинами. Но почему, когда его скинули, они разлетелись четким кругом? К тому же он не выглядит рваным или открытым нараспашку.

И вообще, таким имуществом в Улье разбрасываться не принято, его пытаются тащить до последнего. А раз так, где же кости его хозяев или хотя бы пятна крови на асфальте? При нападении зараженных ее много проливается, непременно должна быть. Дождями размыло? Допустим, так и произошло. Как раз вчера утром хороший ливень прошел, с молниями и даже градом. Однако ткань рюкзака не выглядит влажной. Высохла? Так ведь по ней не скажешь, что ее вообще мочило, прибывая тяжелыми струями к земле.

Это все больше и больше смахивает на то, что принято называть «сыром в мышеловке».

И что еще можно разглядеть с нового места?

Да то же самое, что и с первого – мертвяки видны где угодно, но только не на ближайших подступах. Они игнорируют скопище машин, несмотря на то что здесь имеется немало удобных позиций, будто созданных для мелких групп бегунов. Им ведь так нравится часами выстаивать на местах, с которых открывается прекрасный обзор. Однако почему-то в этом случае решили сделать исключение.

Смысл? Ради того, чтобы Карату было удобнее прибрать трофеи? В такую доброту и отзывчивость не верилось совершенно.

А вот в то, что зараженные чем-то напуганы, очень даже верилось.

Чем? Что вообще способно напугать всех тварей в округе?

Карат, непрерывно озираясь и готовясь в один миг активировать свой единственный, не раз его выручавший дар, потянулся к разгрузке и сделал то, что позволял себе делать лишь в самых крайних случаях, – второй раз за этот день нажал на рации кнопку вызова.

Одна секунда. Две. Три.

Диана не отвечала.

Глава 4

Элита – высшая форма существования зараженных. Существует широко распространенное мнение, что со временем, прожив не одно десятилетие и употребив неимоверное количество высококалорийной и богатой белком пищи, она может перерасти в скреббера. Но в такое верят немногие, да и тема непопулярна для обсуждения, подняв ее, ты рискуешь схлопотать по морде (а то и пулю). Сильнейшие и опаснейшие создания, способные разобраться с самой серьезной бронетехникой и даже низколетящими воздушными целями. Их природная броня, усиленная тем, чему институтская братия до сих пор не

смогла дать научное объяснение, предоставляет им защиту, позволяющую игнорировать большую часть угроз со стороны человека.

Есть и еще кое-что – настолько же необъяснимое, как завышенная прочность биологической брони. У элиты нередко наблюдается то, что иммунные называют дарами Улья, или, говоря проще – сверхъестественные способности. Никогда не знаешь, с чем столкнешься, выходя на такого противника. Тут тебе и маскировочный щит, позволяющий оставаться незаметным на открытой взорам местности; и сканер, при помощи которого твари замечают добычу за любыми укрытиями; и удары невидимой десятипудовой кувалдой по целям, находящимся за десятки метров, и многое-многое другое. Потенциально – беспредельный набор сюрпризов.

А еще элиту нельзя называть безмозглой – интеллектом она способна затмить некоторых иммунных (и не только недалеких). Нет, с ней вряд ли получится пообщаться на тему строения Вселенной, хитроумные головоломки чудовищам тоже неинтересны, зато перехитрить добычу – запросто.

Лакомая добыча элиты – человек, ведь с точки зрения зараженных, по гастрономическим качествам с ним способны соперничать лишь некоторые представители домашнего скота. Люди – не самые глупые создания, но и на них управа найдется.

Элита находчива и наблюдательна: умеет думать, сопоставлять и запоминать. Также существует обоснованное мнение, что она способна обмениваться информацией с себе подобными и младшими зараженными. Приметив что-то полезное, тварь не спешит это забыть и при первой возможности использует на охоте новое знание.

Излюбленный и простейший трюк развитых тварей – разместить в просматриваемом издали месте что-либо, представляющее интерес для иммунных. К примеру, это может оказаться недоеденная туша опасного зараженного с нетронутым споровым мешком – такое добро привлекает всех. Оружие и боеприпасы тоже имеют шансы пойти в дело. Но о таком рассказывают куда реже, ведь нечасто в лапы тварей попадает огнестрельное добро.

Этой вот попало.

А еще Карат в один миг понял, что элита засекла их еще при первом появлении, позавчера, когда он, на пару с Дианой, сидел в лодке напротив этого места и разглядывал подступы к магазину, начерно набрасывая план его ограбления. В это время откуда-то с берега за людьми, в свою очередь, следила пара крайне недоброжелательных глаз, а их хозяин тоже занимался планированием. Монстр вычислил, что именно заинтересовало людей, и пока они забавлялись с петардами и неудачными отвлекающими вылазками, приготовил свою ловушку.

Карат до сих пор жив, значит, западня не настолько уж продуманная. Но не факт, ведь Диана молчит, а это может означать, что элита добралась до девочки, заодно отрезав путь к отступлению ее спутнику. Девочка, возможно, мертва, а чтобы уйти по воде, придется прорываться в направлении, на котором действует опаснейший противник.

Все это вертелось в голове Карата уже на бегу – он, полностью забив на маскировку и осторожность, в открытую мчался назад, к мосту. Надо выручать Диану или хотя бы убедиться, что тревога ложная.

Команда у него крошечная, собранная в результате цепочки случайностей, а не по осознанному выбору, при желании можно попробовать подобрать напарников получше, посильнее. Но это Улей. Сила в Улье – прекрасно, но если речь заходит о выборе между силой и доверием, всегда следует выбирать последнее. И Диане, и Шусту Карат доверял как себе, что для столь людоедского мира – ценно. Оставить кого-то из них в беде?

Да ни за что!

На самый крайний случай – кое-какой запас сил остался. Если их не хватит для победы, можно попробовать уйти по воде. Элита, конечно, и там способна доставить неприятности, но возможностей на реке у твари поменьше, чем на суше.

И вообще, кто сказал, что у Дианы возникли проблемы? Может, рация забарахлила, ведь связь в Улье столь же непостоянна, как настроение легкомысленной барышни. Не исключено, что Карат сейчас дико сглупил, выдал себя отчаянным рывком, переполошив местных тварей, не соблазнившихся далекой шумовой приманкой. Может, и нет никакой элиты, давно ушла, или сидит где-то выше по улице, даже не подумав заходить с тыла, под прикрытием

закованного в бетон берега.

А вот и тот самый бетон – спускается к мутной, замусоренной воде. А там, в направлении первой опоры моста, замерла лодка, в которой сидит Диана.

Нет, Карат не впустую себя накрутил – элита находилась именно здесь. Громадина возвышалась метра на два с половиной, и это с учетом того, что положение тела у нее скрюченное, а нижние конечности до середины бедер скрыты под мутной водой. Все атрибуты развитого монстра прилагались: массивные щитки костяной ткани, наросты и шипы на них, раздутая мускулатура, под давлением которой броне, должно быть, приходилось тяжело. И полная потеря всех намеков на происхождение, – уже не понять, человек или животное переродились в такую образину.

Лапы, которыми можно рвать легкую бронетехнику, тварь протянула к Диане, но не довела начатое до конца – кончики массивных когтей замерли в паре десятков сантиметров от лица девочки. А спутница вела себя в высшей мере странно: не орала от ужаса, не пыталась прыгнуть за борт или постараться поразить чудовище из своей неуместной в такой ситуации винтовки. Просто выпрямилась в лодке во весь рост, да так и застыла, будто изваяние. Локти прижаты к бокам, предплечья чуть расставлены, будто собиралась что-то отпихивать от себя, поза напряженная, взгляд неопиcуемый. Карату показалось, что он различил особенный цвет глаз, они будто засветились фиолетовым, хотя за десятки метров с его зрением такие детали недоступны.

Да и фантастичны.

Как, впрочем, и все остальное.

Что происходит? Нет, элита так никогда не ведет себя. Ей незачем растягивать удовольствие, наслаждаясь ужасом жертвы. Все, что монстру требуется – побыстрее отправить добычу в желудок. Но эта тварь даже не шевелится, она будто и впрямь окаменела.

Чертовщина какая-то.

Эти мысли у Карата проскочили все в той же обстановке, не располагающей к размышлениям. Трудно предаваться раздумьям, когда мчишься со всей

возможной скоростью туда, куда приближаться очень не хочется. Он еще не знал, что станет предпринимать, зато прекрасно понимал, что издали такому монстру можно навредить лишь серьезным оружием, коего в руках не наблюдалось.

Значит, остается одно – приблизиться.

А там посмотрим.

Закидывая автомат за спину, вбежал в воду. За урезом плиты глубина резко выросла, Карат вмиг ушел под воду по пояс, но это почти не сказалось на скорости, потому что его простимулировала новая деталь – кривые когти, остановившиеся перед лицом девочки, нехорошо подрагивают. Может, такое и раньше имело место, просто не просматривалось издали. Это выглядело нехорошо, заставило мгновенно изыскать скрытые резервы быстроты.

Еще чуть-чуть, крохи. Сейчас придется пойти на самоубийственно опасный трюк – забраться на спину твари и лишь потом активировать умение. Сделать это раньше, конечно, никто не запрещает, но он будет вынужден столкнуться с сопротивлением водной среды, а в состоянии ускорения она противостоит движениям не хуже застывающего бетона.

Действительно смахивает на самоубийство, но страха нет – слишком много адреналина в крови. И слишком заметно, что элита явно не в себе, она даже не попыталась покоситься на шумно приближающегося человека. Не до него ей сейчас, другим занята.

И чем же?

Да какая разница...

Карат, с трудом оттолкнувшись от илистого дна, ухватился за пару массивных шипов, защищающих спину твари, подтягиваясь давно доведенным до автоматизма усилием, вошел в состояние ускорения. А дальше все пошло по накатанной, тут главное – ни в коем случае не задевать острые элементы брони монстра. Даже мимолетный контакт с ними может привести к серьезнейшим травмам. Дар хорош, чертовски хорош, но под его действием желательно вообще не прикасаться к твердому. Да так даже мягким можно себе навредить.

Бывало, от простой одежды оставались кровоточащие ссадины, конкретно с этим натерпелся, пока свыкался.

Споровый мешок элиты прикрывался костяным капюшоном, так что доступ оставался лишь снизу. Но именно оттуда Карат и подбирался – удачно получилось. Удерживаясь одной рукой, без замаха повел второй, на которую, еще на бегу, успел нацепить выдернутый из разгрузки кастет с единственным, чуть приплюснутым массивным шипом. Надоело ломать ножи, практика показала, что столь грубое оружие куда долговечнее привычного клинкового.

На такой скорости без разницы, куда бить, но все же постарался попасть в щель между дольками, там оболочка послабее. Забив шип внутрь, повел руку назад, одновременно проворачивая оружие, калеча набитое черной паутиной содержимое. Даже незначительная рана в самом важном органе валит с ног любую тварь, будто паровой молот, а уж настолько серьезная не оставит ей ни единого шанса на месть.

Готово. Теперь надо слегка оттолкнуться, откидывая себя прочь, и тут же выключить дар, вернуться в мир нормальных скоростей.

Возвращение вышло эффектным – Карата отбросило метра на четыре, он влетел в воду с брызгами, шумом и потерей ориентации. Но ничуть по этому поводу не огорчился, ведь так и было задумано. Тварь не из мелких, кто знает, в какую сторону ей вздумается упасть, не хочется оказаться прижатым ко дну бронированной тушей.

Поднялся, отплевываясь, – оберегая автомат, ухитрился не позаботиться о себе, вот и наглотался грязнущей воды. Обернулся, нахмурился – позади не все ладно. Нет, монстр успел рухнуть, подняв волну, на которой слишком уж отчаянно раскачивается лодка – видимо, тварь, падая, на совесть ее зацепила. Но это ерунда, посудина не из хлипких, и не такое может выдержать. А вот то, что Диана пропала с глаз, – хреново.

Не переставая отплевываться, помчался назад. Не раздумывая, заскочил на подрагивающую в агонии ножищу твари, запнувшись о некстати подвернувшийся шип, сумел удержаться от падения, добрался до возвышающегося над водой туловища, оттуда шагнул в лодку.

Диана лежала спиной на залитом водой дне, руки ее безжизненно раскинулись в стороны, закатившиеся глаза не закрылись и выглядели мертво-белыми. Карат, не теряя время на прощупывание пульса и определение дыхания, с ходу вlepил неслабую пощечину и удовлетворенно убедился, что тактика себя оправдала – девочка издала неопределенный звук и зажмурилась.

Живая, а это главное, ведь все остальное Улей лечит.

Элитнику хана, но все еще только начинается. Замысел с петардами сработал лишь частично, далеко не все твари повелись на шум. По их первоначальному плану Карату следовало еще и пожар в той многоэтажке устроить, дабы и зрение зараженным взбудоражить, но забравшаяся в здание стая не оставила на это времени. В общем, мертвяков в округе немало, часть из них, без сомнения, заметила беспечно бегающего человека, и они уже мчатся сюда, да еще и урчат на ходу – вон самого голосистого прекрасно слышно. На такой призыв набегут и те, которые ничего не увидели, скоро здесь станет слишком весело.

Ладно, пускай веселятся, но без Карата с Дианой.

Оставив девочку в покое, вернулся назад, на тушу. Тварь зарылась в воду мордой и, похоже, уткнулась в камень на дне или во что-то другое. Затылок остался на поверхности, упускать возможность поживиться – великий грех для любого иммунного. Время терпит, вокруг устроившей засаду элиты образовался своеобразный круг отчуждения, куда не рисковали с ходу соваться прочие зараженные. Теперь им понадобится время, чтобы перебороть себя, да и страх перед опаснейшим монстром негативно сказывается на их скорости. Самые слабые и тупые даже не рискнут приблизиться к туше, так и будут толкаться в отдалении. Карат такое наблюдал не раз, достаточно вспомнить самую первую встречу с Шустом, когда тот отпугивал новоиспеченных мертвяков головой развитого лотерейщика. Интеллекта у такой мелкоты, само собой, с наперсток, но и на тварей покруче удастся воздействовать. Там, главное, чтобы устрашающий фактор выглядел покруче.

Свежая туша элиты очень даже подходит для этого.

Выдернуть из разгрузки специальный нож – с полноценной хватистой рукоятью, но очень коротким и толстым лезвием с необычным изгибом клинка. Его еще чуть-чуть доработать, и получится открывалка для консервов. Весьма удобно,

когда тебе придется в темпе вскрывать спортивный мешок.

А в последнее время Карат то и дело сталкивается с ситуациями, когда это приходится делать в высшей степени поспешно.

Вбить острие в углубление между «дольками», с силой, с хрустом раздираемой оболочки, потянуть на себя. Теперь сунуть клинок чуть глубже и рвануть в сторону, устраивая прореху, в которую без помех проберется ладонь. Выхватить один из припасенных для таких случаев пакетов из плотного пластика, раскрыть, вывалить паутину, в которой, оплетенные черными нитями, укрываются невзрачные на вид, но ценнейшие сокровища.

Дело сделано, теперь остается последнее – унести отсюда награбленное.

И свои шкуры.

Глава 5

Увидев, что Диана зашевелилась, Карат передумал двигаться дальше. И без того от берега удалился на сотни метров, с такой дистанции разве что снайпер способен доставить неприятности. Да только откуда ему здесь взяться? А если и так, какой смысл переводить дорогостоящие патроны непонятно на кого, привлекая пальбой внимание тварей?

Но Улей умеет учить осторожности, поэтому, заглушив мотор, Карат для начала мазнул взглядом по берегу, высматривая позиции, где засел бы на месте возможного стрелка, и лишь затем склонился над девочкой. Та уже пыталась подняться, действуя столь неловко, будто сильно перебрала с алкоголем. Даже завалилась назад, в воду на дне лодки, не удержалась на косо выставленной руке. Ухватив спутницу, посадил ее на лавку и, удерживая за плечи, встряхнул, одновременно задав неотложный вопрос:

– Что с тобой такое?! Что случилось?!

– Со мной... все... нормально... – потерянно, бесконечно устало, не своим голосом ответила Диана.

– Ничего с тобой не нормально, – констатировал Карат и, передумав встряхивать ее еще раз, воспользовался универсальным лекарством Стикса – поднес к губам девочки горлышко фляги. – Хлебни. Пара глотков тебе не помешает.

Диана послушалась, будто биоробот, в программе которого записано бездумное подчинение приказам человека.

Завинчивая флягу, Карат повторил вопрос:

– Так что с тобой?

Ответ не последовал и на этот раз, но жизни в спутнице чуть прибавилось. С легким недоумением уставившись вниз, она, все так же запинаясь и растягивая паузы между словами, спросила:

– Здесь... вода... Мы... мы что... тонем?

– Вряд ли. Эта туша фонтан с волнами устроила, когда завалилась. Выше бортов наплескалось. Вычерпаем, когда вернемся, ничего страшного.

– Туша?! – вскинулась Диана. – Ты его убил?!

– Если ты о том приятеле, с которым ты решила поиграть в гляделки, то да, с ним все печально, осталась лишь светлая память. – Карат с довольным видом похлопал по кармашку разгрузки, в котором скрывался пакет с трофеями. – Так что там случилось? Я ничего не понял, да и самое начало не видел. Вызвал тебя по рации, ты не ответила, вот и метнулся назад. Как добежал, ты стоишь перед элитой, смотришь в упор, а она тебя не трогает. Это как вообще?

Лицо девочки резко осунулось, изменилось, будто ей за один миг прибавилось несколько лет. Подхватила пластиковую бутылку с водой, неловко пытаюсь ее открыть, голосом, таким же дрожащим, как тонкие руки, сбивчиво проговорила:

– Сильно повезло. Хитрость там какая-то была. Все быстро очень случилось. Я даже не поняла, откуда он взялся. Не было его, я бы заметила. Выскочил, будто из воздуха появился, не видела я его до последней секунды. Быстрый, прям очень быстрый, р-р-раз, и он уже рядом. Но повезло, что это мальчик. Никогда еще так не везло, прям мой день.

– В смысле? – не понял Карат.

Девочка пояснила уже почти нормальным голосом:

– Мальчик, мужчина. Человек это. Ну, бывший человек. Когда-то был обычным мужчиной, потом заразился, потом превратился в чудище. И что мне оставалось делать? Стрелять в такого? Очень смешно, да и не успевала я выстрелить. Вот и ударила. Даром своим по нему ударила. Даже не думая, врезала со всей дури, и вдруг сработало. Он остановился. Но бить пришлось снова и снова, нельзя было иначе, чуть что, он опять начинал тянуться ко мне. Дальше ничего не помню, потом уже смотрю, а он в воде лежит, а из меня будто все до единой косточки вытащили. И перед глазами сразу потемнело. Не заметила я тебя. Как ты успел? Ты ведь к магазину должен был сходить, а это далеко от реки.

Карат, обернувшись, указал в сторону моста:

– Я и на сотню метров не отошел. Этот типчик, которого ты мальчиком назвала, засаду устроил с приманкой. Гляжу, бесхозные стволы валяются посреди улицы. Как-то очень уж подозрительно валяются. А дальше подумал и за рацию взялся. Хитрый, гад, с тебя решил начать, чтобы дорогу мне отрезать. Не полез внаглую, целая стратегия у него.

– Я не поняла?.. Получается, оружие разложил он?

– А кто, кроме него? Башковитый парень... был.

– Только слышала о таком. Мало у кого ума хватает использовать приманку.

– У этого на все хватило. Как сумела ты? Как такое у тебя получилось?

– Ты о чем? – не поняла Диана.

Девочка очнулась, но пока что соображала туговато, – сказывалось пережитое перенапряжение.

– Я о том, что этот мальчик мальчиком был, мягко говоря, давненько. Да ведь у тебя даже лотерейщика контролировать не очень-то получается, а лотерейщику до элиты ох как далеко.

– Не знаю как, но сумела. Просто била его и била, со всей дури, как можно быстрее. Карат, по-моему, у меня как у тебя теперь бывает...

– В каком смысле?

– Первый раз такое.

– Какое?

– Я свой дар разрядила. Даже вхолостую ударить сейчас не смогу, опустошенность ужасная, я чувствую себя выжатой тряпкой. Никогда такого не было, даже в самый первый раз не было. Даже с тем лотерейщиком, который уже был крутым. Мне кажется, что я больше никогда не восстановлюсь. Но у тебя же такое часто бывает, правда ведь? Ты много раз это рассказывал.

– Да, правда. Ты восстановишься, не переживай. Говорят, есть способы потерять дар, но вряд ли это удастся сделать настолько просто. Дар нимф нравится немногим, был бы надежный способ легко от него избавиться, сама понимаешь, что почти все его носительницы сразу бы забыли о таком проклятье.

– Я и не переживаю. Что мы дальше будем делать? К магазину теперь не подойти, все зараженные к мосту сбегаются. Вон, посмотри, сразу четыре лотерейщика, по-моему. И всем в той стороне что-то надо, крутятся только там.

– Быстро не сбегутся, там элитник валяется, для всякой мелочи хватит запаха, чтобы не рисковать приближаться, а крупные, скорее всего, побежали на нашу приманку. Шум они издали прекрасно слышат. Вон, видишь, сворачивают твои лотерейщики.

– Ты что? Серьезно хочешь к магазину сходить? Карат, мы вчера нарвались, сегодня нарвались, тебе что, этого мало? Да тебя Шуст проклянет, когда узнает.

– За что проклянет?

– Он ведь все время говорит, что нельзя дразнить удачу. Надо было с утра, как только встретились, уходить. Видишь, как нарвались? Да мы чудом живы остались. Блин, да мне теперь всю жизнь кошмары сниться будут.

– Свожу тебя к психиатру, пообщаетесь.

– Ну спасибо...

– Ладно, извини, мы и впрямь слишком часто отчаянно рискуем. К мосту я даже не думал возвращаться, там сейчас столпотворение.

– Можно позже вернуться, вечно они там крутиться не будут.

– Можно, – согласился Карат. – А можно и не возвращаться, мы и так сегодня неплохо подогрелись.

И он еще раз постучал по туго набитому кармашку разгрузки.

* * *

Озеро, в которое Карат вывел лодку из городской реки, запомнилось ему еще по первому походу к Пеклу. Тогда он уцелел, единственный из всей команды, и с разнообразными приключениями выбирался на восток. Пришлось двигаться незнакомыми дорогами, повезло выйти к водному пути, который и привел его сюда. Не совсем, конечно, сюда, за километры от этого места. Но еще тогда он заметил вдали высотки городского кластера, который группа разграбляла вот уже четвертую неделю.

Высотки сейчас остались за спиной. Лодка, разрезая озерную гладь, шла ровно на восток, к виднеющимся вдали островкам. Но не они являлись целью. Перед ними Карат развернулся, обогнул вросший в мель ржавый корпус огромной

баржи и около двух километров тянул на юг. Там сбавил ход, войдя в узкую протоку между камышовыми стенами, покружился в лабиринте, устроенном природой из растительности, вновь выскочил на открытый простор. Правда, здесь он открывался не так уж далеко, получилось что-то вроде озера в озере, где водное пространство, площадью около километра, было окружено непроглядными зарослями.

Почти посередине искусственным островом ржавела еще одна баржа, покрупнее первой. Как попала она на мелководье, крепко засев в илистом дне, – одному лишь Улью известно. Разливы, случающиеся при перезагрузках, притянуть к этому сложно. Они мощно себя проявляют лишь в узостях рельефа, а здесь, на чуть ли не безбрежном озерном просторе, где сливаются десятки больших и мелких водных кластеров, волна особо не разгуляется. Предположить, что судно вырвало из другого мира и шмякнуло именно в эту точку, сложно, поскольку на стабах такое не случается или случается крайне редко. То, что баржа пришла сюда издали, тоже звучит неправдоподобно. Да, она самоходная, но ей нужна глубина, которой здесь нет.

Огромная заводь и окружающие ее камышовые дебри – явный стаб. Именно поэтому его и облюбовали под базу. Суши здесь, увы, нет, только камышовые мелководья, но зачем нужна твердь земная, если есть металлическая? Баржа стояла на грунте ровно, ее ржавые бока возвышались крепостными стенами над озерной гладью. Осталось только оборудовать наверху несколько позиций и приготовить нехорошие сюрпризы для тех, кто сунется сюда без спроса. Нападающим придется горя хлебнуть, карабкаясь наверх, а перед этим понадобится как-то преодолеть открытое пространство, на котором нет даже намека на укрытие.

Приблизившись к борту, Карат заглушил мотор и, взявшись за весло, услышал, как сверху грозно спросили:

– Стой! Кто идет?!

– Плывет. Давай встречай.

– А пароль не скажешь?

– Не скажу.

– Эх ты! А я тут королевский трап связал, пока вас где-то черти носили. Кстати, где именно?

– Решили по бабам сходить, гульнуть.

– Да я не поверю даже в то, что ты этим в одиночку занимался, а уж вместе с мелкой – тем более. Не, ну серьезно, я ведь волновался, переживал.

– Встряли в историю. Пришлось мне ночь и часть дня по городу побегать. Ди не захотела возвращаться к тебе, а рация не добивала, или ты не слышал.

– Я тут все слушаю, а не только водку глушу, как некоторые считают.

– Считают? Да ты на этом попался с поличным, хватит уже отрицать очевидное.

– Что за придирки? Всего один только раз и было. Да и то исключительно ради пользы, боль нестерпимую снимал, я ведь раненый.

– Да тебя ранили хрен знает когда. Боль он нестерпимую снимал, ну да, ага... Ты трап свой спускать думаешь или нам тут до вечера выслушивать, как ты балаболишь?

– Да щас. И если что вкусное привез, сразу доставай. Гранд очень жизнью недоволен, задобрить его надо. Я ему окуней наловил, один другого краше, а он, сволочь, нос воротит.

– Еще бы ему быть довольным, он ведь воду любит, как собака палку, а тут она со всех сторон.

* * *

Стол был так себе. Очень непросто обжиться на давно заброшенной барже, намертво засевшей посреди чуть ли не моря. Нормальных вещей с суши не навозишься таскать, там приходится все силы прилагать на то, чтобы в живых оставаться. Грузить при этом тяжелый хлам не захочется, да и вредно для главной цели.

В общем, Шуст из ясеневых жердей, привезенных Каратом с ближайшего островка, связал да склотил каркас, на который приспособил железный лист из судовых запасов. Поверх, за неимением скатерти, постелил драное покрывало. Мебелью такое барахло называть стыдно, но сейчас за этот стол любой иммунный согласится отдать что угодно.

Дело, конечно, не в убогом изделии Шуста, а в том, что на нем лежит. Три красных шарика размером с крупную горошину, один черный и отдельно четыре белых. Последние – нетронутая добыча из останков скреббера, все остальное подарил вымерший город.

Ну как подарил... Подарком это не назвать. Карат вырывал жемчуг из споровых мешков убитых своими руками тварей, рискуя при этом самым дорогим, что у него было – жизнью.

И это не все, что ему удалось добыть. Были еще три жемчужины – черные. Но их, как только скопились, пустили в дело.

Как пустили? Да очень просто, – по одной принял каждый: Карат, Диана и Шуст. Именно так они договорились – все, что удастся достать, делить поровну.

С точки зрения большинства иммунных – наивный идиотизм высочайшей пробы. Карат практически выполнял девяносто процентов работы, если не больше. Даже когда Шуст восстановит былую форму, это не особо изменит расклад, ведь умений, помогающих расправляться с элитой или хотя бы руберами, у товарища нет.

Но это мнение стада леммингов. Те же, кто способен приподняться над массовыми заблуждениями, понимают, что в столь непростом мире нельзя все мерить исключительно под себя.

Это люди Карата, его проверенная команда. Не без недостатков, конечно, но и Шуст, и Диана доказали не раз, что им можно доверять. А команда, которой ты доверяешь, значит многое.

И чем она сильнее, тем значит больше.

Прием жемчуга усиливает каждого, следовательно, сильнее становится вся команда, повышая этим самым твой личный уровень безопасности.

Вот и зародился справедливый и логичный план: как только накапливается три жемчужины одного цвета, их сразу же делят.

Но почему в таком случае не поделили белые? Да потому что с ними все непросто.

Прием черного и красного жемчуга, помимо положительных моментов, имеет и темную сторону. Могут начаться негативные изменения, из-за которых иммунный постепенно превратится в кваза. Кроме внешней безобразности, у них обычно наблюдаются и другие недостатки. В самых неприятных случаях доходит до того, что уродов приходится отстреливать, как бешеных собак, поскольку они теряют человеческий облик не только наружный, но и внутренний.

Повсеместно считается, что лишь прием белого жемчуга возвращает квазу былой облик. Более осведомленные иммунные знают о существовании великих знахарей, которые вроде бы тоже умеют запускать процесс в обратном направлении. Однако их крайне непросто найти, и неизвестно, согласятся ли помочь. Личности в высшей степени загадочные и абсолютно непредсказуемые.

Узнай кто-нибудь, что у кого-то вот уже месяц на руках хранятся четыре белых жемчужины, схватился бы за голову от такой глупости. Но умный, опять же, поймет, что выгоднее сокровище придержать. Если прием черных и красных приведет к нехорошим изменениям, можно оперативно принять бесценное противоядие.

По разным подсчетам, риск стать уродом составляет первые проценты. То есть, в теории, можно повторить прием десятки раз, прежде чем возникнет надобность в белой жемчужине. На практике теория вероятности может подшутить, сразу подкинув «горькую пилюлю». В общем, делить три, оставляя четвертую на такой случай – неразумно. Нет никакой гарантии, что преобразиться не начнут сразу двое, а то и трое членов команды. Поэтому не притронулись ни к одной.

Шуст, замороженно уставившись на разноцветные шарики, задумчиво протянул:

- Слыхал я от одного парня, что если принять жемчужину в только что загрузившемся кластере или рядом с ним, риск снижается.
- Я и не такой бред слышал, - заметил на это Карат.
- Жирная вам элита подвернулась. И черную, и красную вытащили.
- Диана чуть заикой не осталась. Да и я...
- Может, побережем?
- Для чего?
- После черных ни у тебя, ни у Ди изменений не было. В смысле, что ничего хорошего вы по себе не заметили. Я вот сразу шустрее разгоняться начал, а у вас как было, так и осталось все. Вроде бы.
- Ты же помнишь, нам не раз говорили, что впустую жемчужины не пропадают.
- Да хрен его знает, можно ли кому-то верить в таком вопросе. Только великим знахарям, а их здесь не наблюдается.
- Возможно, кое-что в нас изменилось.
- Что?
- Диана остановила элиту.
- Не понял?
- Врезала своим даром, и элитник стопорнулся.
- Ты серьезно?!
- Еще как серьезно.

- Она ведь даже лотерейщика толком успокоить не могла. Как так?

- Вот и я себя спрашиваю: «Как?» Не исключено, что та жемчужина и повлияла, усилила дар.

- Никогда о таком не слышал. Если ты, девочка, и впрямь научилась элиту контролировать, у нас не жизнь пойдет, а сгущенка, вперемешку с малиной.

- Ага, ну да, начнется, - кивнула Диана. - Только для начала скажи: как можно отличить самцов от самок?

- Ты это сейчас что спросила?

- Забыл? Я только на мужчин воздействовать могу. Если элитник произошел от самки, ничего не получится. И те, что от животных произошли, тоже чихать на меня хотели. И на мой дар.

- И как же определить, кто там кем был записан при рождении?

- Блин, да откуда я знаю? Для меня они все одинаковые. Я ведь просто нимфа, я определять такое не умею.

Карат при этих словах вспомнил дела давно минувших дней. Неприятных дней.

Тогда он делал первые шаги в новом мире и вляпался в нехорошее. Вспомнилась нимфа килдингов - Аурелия. Карат даже не может толком сказать, как же она выглядела, но до сих пор считает ее самым прекрасным созданием во всех вселенных. Столько времени прошло, а до сих пор до конца от ее чар не освободился.

Неудивительно, ведь она, так же как Диана, - сильнейшая нимфа. И если девочка на Карате свой дар не опробовала, эта повеселилась по полной. Он тогда готов был в вулканическую лаву нырнуть, стоило ей только этого пожелать.

А еще там присутствовал закованный в цепи элитник, которого Аурелия попросила освободить. Сейчас Карат заподозрил сразу несколько вещей. Самое

очевидное, та тварь, по кличке Юпитер, попала в плен и вела себя относительно прилично лишь по той причине, что была изначально мужчиной. Следовательно, ее могли контролировать нерядовые нимфы.

Вот только освободить его своими руками Аурелия не могла. Она, похоже, постоянно пребывала под наблюдением Сабины и ее людей. Вспомнились женщины из свиты, шагавшие следом, в отдалении. Их нимфа контролировать не могла. Вот и воспользовалась услугами пленника, каким-то образом безошибочно углядев в толпе оптимальную кандидатуру.

Чем больше Карат узнает, тем больше новых штрихов прорисовывается в той истории.

И вот уж парадокс – тем больше в ней проявляется черных пятен...

Да уж... все очень и очень запутано.

Протянув руку, взял один из красных шариков, не колеблясь закинул в рот, запил живчиком из заранее открытой фляги. Диана и Шуст, переглянувшись, повторили действия Карата, после чего за столом воцарилась мертвая тишина. Все будто отстранились от мира, пытаюсь прочувствовать в себе начинающиеся изменения.

– Так быстро это не подействует, – тихо напомнил Карат.

– Оно и понятно, – не своим голосом откликнулся Шуст и подчеркнуто бодро затараторил: – А я вчера пеликана видел. Прикиньте? Южная птица, в этом регионе вроде не должно их быть. Но есть. Здоровенный гад, рыбу ловил под камышами.

– Может, из зоопарка вырвался, – предположила Диана.

– Все может быть. А под утро сегодня проснулся в холодном поту. Зашумело непонятно. Подскочил к иллюминатору, светало уже слегка, разглядел, как вода колышется. Волна прошла по озеру, хорошая волна. В борт ударила так, что железо загудело.

– Может, где-то рядом перезагрузился кластер с высоким уровнем, – предположил Карат.

– Да все может быть. Ну что, спать думаете, бродяги, или еще посидим? У меня дров маленько осталось, могу, пока темно, в трюме костерок устроить, чаек с дымком заварить. Такой на примусе не сделаешь.

– На ночь чай вредно, не заснешь потом, – заявила Диана.

– Да ты и так не заснешь. Никто после жемчуга сразу заснуть не может.

На это все промолчали.

Ну а что тут можно сказать?

Ничего.

Глава 6

Сон бывалого иммунного всегда чуткий. И это неудивительно, ведь те, кто дрыхнет беспробудно, бывалыми стать не успевают. Карат, открыв глаза, еще ничего не осознавая, ухватился за автомат, предусмотрительно размещенный возле туристического коврика, служившего подстилкой под спальным мешком.

По барже пронесся протяжный, стонущий звук. Даже спросонья мгновенно осознал, что его источником является металл одного из бортов или обоих. А возможно, и днище загудело.

Что может заставить металл издавать подобные звуки? Очевидно, какая-то нагрузка.

Нешуточная.

В темноте компактной рубки, приспособленной под спальню для отряда, тихо, но отчетливо раздалось слова Шуста:

– Опять эта хрень. В прошлый раз так же было. Как волна без ветра. Только эта посильнее. Что тут, блин, у нас за цунами?

Карат, ничего не отвечая, на ощупь подхватил прибор ночного видения, надел, стараясь ступать бесшумно, подошел к иллюминатору, отодвинул прикрывавшую его фанерку. Оптика не из рядовых, в инфракрасной подсветке и долгом прогреве электроники не нуждается, четкую картинку выдала сразу. Черно-белую, и это даже утешало, поскольку означало, что поблизости в поле зрения нет предметов, значительно отличающихся от фона по температуре.

В высшую сторону.

Известное явление – метаболизм у зараженных ускорен до безумных значений, и чем дальше они развиваются, тем больше это усугубляется. Для поддержки существования они вынуждены сжигать прорву пищи, а всякое сжигание подразумевает нагрев. Вот и светятся в таких приборах издали.

Приблизившись к другому иллюминатору, Карат и там ничего не разглядел. Но зато ощутил удар новой волны, отчего металл загудел вдвое пуще прежнего.

– Слыхали?! – нервно прошептал Шуст.

Можно даже сказать, не прошептал, а шепотом проорал.

– Да тихо ты! – заткнул его Карат.

Он понятия не имел, что тут творится, но происходящее ему не нравилось. Очень даже не нравилось. Если ты попал в Улей и чего-то здесь не понимаешь, готовься к тому, что это что-то непонятное вот-вот тебя прикончит и сожрет.

Вновь загудело, а затем раздался новый звук: непохожий на прежние, громкий, неопиcуемый. Душераздирающий скрежет в сочетании с чем-то невообразимым. Такое Карат смог бы устроить, будь он великаном с огромным ломом, острием которого с силой проводил по борту и одновременно ладонью второй руки

торопливо шлепал по воде.

Шуст, приблизившись, встал рядом, уставившись в соседний иллюминатор, после чего склонился, прошептал в ухо:

– Я первый раз такую музыку слушаю.

– Готовься сваливать, – ответил Карат. – Присмотри за Ди и Грандом.

– Все сделаем.

Шуст много чего навиделся, потому лишние вопросы не задавал. Да и о чем сейчас можно спрашивать? Ни он, ни Карат понятия не имели, во что именно на этот раз вляпались. Но оба крепко биты Стиксом, причем неоднократно, вновь сталкиваясь с негативным опытом не хочется, а самый логичный способ избежать этого в столь непонятной ситуации – бегство.

Ну или отстреливаться, если уверен в своих силах. Вот только нет этой уверенности в помине. Да и выживает здесь не тот, кто по любому поводу жмет на спуск, а тот, кто этого всячески избегает.

Потому у троицы заранее подготовлено все на случай экстренного драпа.

Карат не торопился отворачиваться от иллюминатора. Он приблизительно определился с направлением на то и дело повторяющийся скрежещущий звук и ждал с той стороны появления пакостей, на которые придется реагировать. Или новой информации, ведь ее, как правило, полезно узнавать.

За бортом вспыхнуло, по ушам ударило грохотом. Сработала одна из мин, установленных Шустом. По его уверениям, никто без его позволения не сможет забраться на баржу, не потревожив эту жестокую сигнализацию.

Следовательно, кто-то ломится в гости.

Взорвалась еще одна мина, после чего металл не только загудел, а зашевелился, сминаемый, грубо сдираемый со шпангоутов. Выше борта резко взметнулась темная масса. Карат, в тот же миг отшатнувшись от иллюминатора, бросился

назад, подхватил хранимый у изголовья рюкзак, выскочил через уже открытую Шустом дверь.

Спутников догнал, когда старший товарищ, склонившись за борт, присматривал, как по канату спускается Диана.

– Бегом за ней! – прошипел Карат в ухо.

Тот, по голосу осознав, что уточнять подробности нет времени и вообще ненужное дело, поспешно скользнул вниз. Карат, дав ему ровно три секунды, почти полетел следом, ни капли не переживая по поводу того, что может свалиться кому-нибудь на голову.

Ведь это будет такой пустяк, о котором даже задумываться не стоит.

На последних метрах спуска вновь сверкнуло, грохнуло, после чего послышался новый звук, традиционно неопиcуемый. Будто пар струится из перегретого чайника, чем-то при этом позвякивая и все так же скрежеща по металлу.

Вот только чайник этот должен вымахать до размеров многоэтажного здания. Поверить в то, что такую посуду не просто прибило течением к борту, а прибило в кипящем состоянии, Карат не мог и потому начал спускаться быстрее прежнего, таки задев подошвой чью-то голову.

Еще толком не плюхнувшись в лодку, прошипел:

– Сваливаем!

Перед лицом сверкнула сталь – Диана, молчаливая как никогда, не стала тратить время на возню с узлами во мраке, начала перерезать канат. Он, толстый, не поддался напору руки девчонки, потому Карат вытащил свой тесак, бесцеремонно отодвинул Диану и взялся за работу сам.

– Заводить можно?! – чуть ли не перекрикивая все тот же шум, спросил Шуст.

– А Гранд где?!

– Ты что, разве своего котяру не знаешь?! Да он тут первый место занял, пассажир хренов.

– Давай, – решился Карат. – Заводи.

Канату осталось жить секунд пять, не больше, нечего время терять.

Черт, надо было заранее продумать момент с бегством до мелочей. Сейчас, в потемках и впопыхах, из головы и у Дианы, и у Карата вылетело все, что они должны знать об узлах. Ведь канат легко должен отвязываться, тут только с виду сильно накручено.

Мотор завелся с таким ревом, что Карат чуть не подпрыгнул. Не так уж и громко, но в ситуации, когда стараешься не издать ни звука, бьет по нервам.

Поддались последние волокна.

– Жми! – заорал он в тот же момент.

Лодка медленно начала отходить от борта. А ведь должна отпрыгивать. То, что Карат разглядел, отшатываясь от иллюминатора, подсказывало, что шум мотора незамеченным не останется. Тот, кто потревожил сон группы, теперь знает, что добыча рядом, и он вряд ли станет медлить, направится к ней сразу.

Уже направился.

И очень быстро.

Шуст, очевидно, мыслил аналогично, потому с мотором не деликатничал, с места газанул так, что за кормой забурлило, будто там случилось извержение неслабого гейзера. Что-то прокричал, но за ревом двигателя ничего не слышать.

Баржа отдалялась все быстрее и быстрее. Не сводя с нее напряженного взгляда, Карат разглядел, как вдоль левого борта мелькнула все та же темная масса, но на этот раз по ней проскакивали цветные искры сильно разогретых участков. Миг, и это нечто погрузилось, подняв волну, ударившую по корпусу. Должно

быть, при этом раздался звук, схожий с тем, который стал причиной пробуждения отряда. Но точно сказать невозможно, мотор не позволяет слушать ничего, кроме себя.

Расстояние увеличивалось, хитрая оптика не могла с этим справиться, картинка ухудшалась все сильнее и сильнее. Но Карат все же смог рассмотреть что-то, похожее на сильно вытянутый водяной бугор, прямолинейно перемещающийся вслед за лодкой. Чертовски быстро перемещающийся, но нет, недостаточно быстро, не должен догнать.

Что бы это ни было, мотор посильнее. Они быстро оторвутся и скроются на просторах озера.

Лишь бы движок не заглох.

* * *

Лодка, опустив задранный на глиссаде нос, шумно прошла по инерции несколько десятков метров и сбавила ход. Стало тихо, лишь вода тихонько плескалась за кормой. Эти звуки не смолкнут до полной остановки, но не помешают даже самым тихим разговорам.

Но Шуст шептать не стал, спросил очень даже громко:

– Карат, что это было?! Ты хоть что-то видел?

– И да, и нет.

– Это как?

– Кое-что видел и хочу это поскорее забыть.

– Дружище, я тебя понимаю. Но поконкретнее можно?

– А надо?

- Конечно, надо. Команде интересно.

- Поконкретнее, там была... как бы тебе попримечнее сказать... В общем, я детали не разглядел. Что-то очень большое.

- Ну это мы и без тебя поняли.

- Длинное, с огромными шипами. И лапу видел четко, там палец чуть ли не с лодку. И между пальцами перепонки. И оно вначале было холодным, не похоже по тепловой картинке на зараженного. Хотя какие тут к чертям зараженные? Правда, когда отходили, оно метнулось за нами, и местами загорелись горячие участки. Но все было очень быстро, не уверен. Плавало оно, как торпеда, это я точно могу сказать. В общем, я у тебя то же самое могу спросить: что это было?

Шуст ответил не своим голосом:

- Думаю, крокодил.

- С баржу размером?!

- А почему бы и нет? Они ведь тоже перерождаются, но все равно продолжают дружить с водой. Растут в ней, приспосабливаются к воде даже лучше, чем реальные крокодилы. Но могут, как было в старой жизни, выбираться на сушу. Где такая тварь завелась, там от воды надо держаться подальше.

- Согласен. А ведь раньше считал, что вода - самое безопасное место...

- Ага. Все так считают, пока под потоп не попадают. И это в лучшем случае.

- Под потоп я попадал, мне не понравилось. Но это... это мне не понравилось гораздо сильнее.

- Откуда здесь мог взяться крокодил? - впервые за все время подала голос Диана. - Тут ведь не тропические кластеры.

- А ты слышала, что он творил? - не в тему спросил Шуст и, не дожидаясь ответа, обратился уже к Карату: - Какой он по размеру был? Хотя бы примерно?

Думаю, вряд ли с приличную баржу, это ты загнул.

- Да, поменьше, но очень и очень серьезный. Думаю, с вагон железнодорожный. Или с полтора вагона. Может, чуть больше или меньше. Я ведь его толком не разглядел.

- Не знаю, что там за длина у вагона, но точно приличная. А полтора вагона - еще приличнее. Получается, это элита элит... Да это, мать ее, матерая элита! Может, из дальних краев приперся, путешествует по воде, да и по суше. А может, из зверинца какого сбежал. Или даже из дома. Бывают чудики, в ванне этих тварей держат. Мелких, конечно, но те, на волю попав, могут дорасти до нужного веса. Крокодилу проще, он в воде живет, там поначалу крутым мертвякам его трудно достать. Потом споровый мешок отрицивает, а как вес наберет, начинает кормиться наивными юношами вроде Карата. Те ведь уверены, что на воде рай да благодать, а тут внезапно - такой нерадостный сюрприз.

- Он, кстати, может чують след и на воде, - сказала Диана. - Не знаю, что у нас с мотором, но из него вечно масло капало или бензин. Я тебе, Шуст, говорила, что по воде радужный след идет.

- Да, может такое дело унюхать, ветра и волны нет. Но мы далеко ушли, не нагонит. Решать надо, что дальше делать. Срочно решать.

- Думаю, с отдыхом на чудесном озере надо завязывать прямо сейчас, - сказал Карат.

- Ага, в гробу я видал такие отдыхи, - согласился Шуст.

- Надеюсь, жемчуг ты не забыл?

- Ты что, решил поиздеваться над старым и верным другом?

- Я просто для порядка спросил, без наезда.

- С ценным добром у меня всегда порядок.

– Значит, возвращаться нам незачем. Уходим на основную точку, а дальше действуем по старому плану.

– Как это незачем? Да там добра осталось прорва: винтовка крупнокалиберная, пулемет, арбалет хороший, патроны, гранатометы одноразовые...

– Да и хрен с ними, – перебил Шуста Карат. – Или, если хочешь, сам потом за этим хламом сплаваешь.

– Куда это ты инвалида послать удумал?

– Инвалида? Да на тебе давно пахать можно вместо трактора. Даже хромать перестал.

– Доктор сказал, надо месяц курортной жизни. И чтобы не напрягаться и не волноваться. А прошло, между прочим, всего лишь двадцать шесть дней.

– Ну-ну... Будем считать, что доктор сильно перестраховывался. Четыре дня разницы – это ни о чем. Не, ну если сильно хочешь, можешь тут остаться. Рыбалка по утрам и вечерам хорошая, а днем можно загорать на пляже. Заодно добро брошенное соберешь. А я из этих мест сваливаю в темпе. Ди, а ты как?

– Прикалываешься? Я же рыбалку не люблю, да и загар мне не идет.

– Насчет загара ты не права, – возразил Шуст.

– Может, ты и прав, но все равно не хочу оставаться. Понимаешь, где-то тут плавают элита размером с вагон, так что, Карат, я с тобой сваливаю.

– И со мной, – добавил Шуст.

– Ты же только что возражал или как? – спросила девочка.

– Так я всегда возражаю. Должен же хоть кто-то выдвигать альтернативное мнение, иначе сплошной бардак начнется. Теперь бы еще понять, куда нас занесло. Ни хрена не видно, ни одного ориентира, хоть бери да по звездам иди.

- Ты что, не смотрел, куда плывешь? - удивился Карат.

- Да я даже глаза открыть боялся, так и гнал с закрытыми. Нервы после той контузии ни к черту стали. Да и раньше не сказать, что крепкими были... Спасибо Улью, что на берег не налетели.

Глава 7

Лодку эту выбрали для экстренной эвакуации за высокие ходовые качества при скромных габаритах. Эдакий детский тазик с мощным движком. Потому Карат сейчас без труда двигал веслами, следуя по узкой протоке, причудливо извивающейся среди зарослей камыша. Здесь можно, конечно, на моторе идти, но не нужно шуметь рядом с местом, в котором хранишь ценное имущество. Зараженные всякие попадают, в том числе и весьма хитрые. Такие способны сложить два плюс два и устроить засаду. Некоторым не лень по несколько суток караулить, питаюсь росой и солнечным светом, чтобы в итоге завалить одного-единственного худосочного парнишку, вернувшегося к своему тайнику.

Потому мотор следует глушить или заводить за пару километров от потаенного места.

Очередной поворот, а за ним протока разделяется на два русла. Карат уверенно направился в левое, где камыш подступал так близко, что едва не цеплялся за лопасти весел. Да и глубина здесь ничтожная, водоросли, местами, ковром на поверхности колыхаются, а рыбешки, не имея возможности удрать в глубину, суматошно выскакивают из воды перед носом лодки.

По этим мелководьям можно сутками путешествовать, ни разу не увидев сушу. Камыш слишком высокий, даже если выпрямиться во весь рост, за ним ничего не разглядишь. Но Карату не нужно смотреть, он прекрасно помнит маршрут. Очередной поворот, и впереди показался тупик - протока упиралась в склон невысокой дамбы. Старое гидротехническое сооружение с автомобильной дорогой поверху. Та давно пришла в негодность: асфальт растрескался, рассыпался, пророс кустами и травой. По всем признакам - стаб.

Лодка еще не причалила, а Гранд уже выпрыгнул на сушу и, не оглядываясь, мгновенно скрылся в высокой траве. Кот воду не любил и подчеркивал эту нелюбовь всем своим поведением. Люди от него отстали, но ненадолго. Не прошло и минуты, как все трое шли по дамбе, даже не удосужившись привязать лодку.

А зачем, если возвращаться сюда не планируют?

Впереди показались остатки каких-то строений. Обветшалые кирпичные стены, давно провалившиеся крыши, зелень корявых деревьев густо вздымается из руин. А под природной зеленью зеленеет искусственная – растянутая маскировочная сетка. И под ней тоже кое-что зеленое просматривается – вытянутая туша бронетранспортера.

Шуст, ускорившись, первым спустился с дамбы, перешагнул через леску растяжки, приблизился к боевой машине, провел ладонью по борту, довольно выдал:

– Тут, родимый. Никто на тебя не польстился.

Карат промолчал, хотя мог бы прокомментировать. Ну откуда здесь возьмется угонщик бронетехники? На несколько квадратных километров тянется камышовый лабиринт, в котором разве что комаров кормить, других занятий не найдется. Выйти к месту получится разве что случайно. Вот только народ здесь, в преддверии Пекла, или даже на краешке его раскаленной сковороды, мягко говоря, шастать не любит. Если кто и забирается, то уж точно не с целью побродить по плавням.

– Ди, не забудь про мины, – напомнил Карат, тоже переступая через леску.

Мог бы и не напоминать, девочка, впрочем, как и кот, в этом не нуждалась. Зверюга с большими странностями, сам знает, где можно бродить. Но все же мины надо снять побыстрее, не хватало еще самому по запарке нарваться. Да и оставлять их здесь не стоит, потому как – ценное имущество. Из живности здесь, на острове, посреди камышовых дебрей, лишь крысы водяные, а размер у них такой, что грамотно протянутые лески не заденут. Вот и получилось, что ни одна не сработала, хотя почти месяц простояли.

Но Шуста это не успокоило. Забравшись в бронемашину, устроил короткую ревизию хранимого в ней добра, не забыв еще раз пожаловаться на потери:

– Винтовку хорошую оставили. Теперь у нас только одна крупнокалиберка осталась, но она похуже.

– Достанем еще, – беззаботно ответил на это Карат, занимаясь первой миной.

– А мне что делать? – спросила Диана.

– Тебе можно отдыхать. Дух чуток переведем, перекусим и поедем.

* * *

Бронетранспортер был хорош. Не самый современный представитель своего класса и не самый лучший из «старичков», но достоинств масса. Надежная машина с броней, гарантированно защищающая от пуль оружия малого калибра, а при некоторых условиях и от большого. Осколки тоже не проблема, если их источником не выступает разорвавшийся под бортом тяжелый гаубичный снаряд. При нужде может огрызнуться из пулемета аж на четырнадцать с половиной миллиметров, что мигом остудит пыл абсолютного большинства зараженных.

Но главное – проходимость. Самое страшное бездорожье для него – не проблема. Даже если это бездорожье из тех, на которых обычной колесной технике делать совершенно нечего. Например – сеть мелких протоков, петляющих в камышовых дебрях. С треском ломая водную растительность, боевая машина уверенно перла вперед, оставляя за собой просеку из поломанных стеблей или грязевые разливы потревоженного на дне ила.

Впереди показался широкий просвет, и вот уже бронетранспортер поплыл по открытой воде, будто катер. Карат, высунувшись из люка, тревожно поглядывал по сторонам. Он не забыл, что где-то здесь объявился монстр, «вылупившийся» из туши крокодила. Такому очередь из крупнокалиберного пулемета что киту щекотка. Хорошо бы вообще не показываться в его владениях, но приходится, потому что здесь, по самому краю озера, проходит единственная известная группе надежная дорога.

Бронетранспортер хорош, но не следует его переоценивать. У него тоже есть свои пределы, будет печально засадить машину в топь, пробивая путь наобум, сквозь плавни.

Впрочем, плыть пришлось недолго – немногим больше километра. Дальше машина поймала колесами асфальт, водометы стихли, началась езда по чуть затопленному шоссе. В этом месте Улей, стыкуя кластеры, проявил небольшую небрежность, что у него нередко случается. Вот и образовалась «локальная Атлантида».

Далеко слева в глаза бросился подозрительно темный водный участок. Сердце похолодело, Карат торопливо поднял бинокль, уставился на непонятный объект. И сразу успокоился, определив, что это явно не элитник плещется. Больше всего похоже на колыхающуюся на поверхности огромную палатку. Разного хлама по озеру плавают немало, в этом нет ничего подозрительного.

Машина наконец выбралась на берег все по той же дороге. Но здесь она не затоплена, асфальт сухой, пошли, набирая ход. Карат закрутил головой вдвое сильнее, ведь если на воде опасно, тут в разы больше угроз. Бронетранспортер местные умельцы усовершенствовали, уменьшив шум двигателя. Но увы, громкость до нуля не сбавили, следовательно, зараженные способны расслышать приятные для их ушей звуки издали, надо ожидать их появления сразу со всех сторон.

Отдых на озере закончен, начинается настоящая жизнь, каждая секунда которой угрожает неожиданностями.

Как правило – опасными.

* * *

Зараженного Карат заметил издали. Дорога в этом месте проходила через немолодой сосновый лес. Кустарников почти нет, расстояния между деревьями приличные, стволы понизу давно остались без ветвей, видимость прекрасная. Мертвяк движется резво, но похож всего-то на начинающего лотерейщика – ничего серьезного.

Потому Карат не стал нырять в башню, вместо этого скомандовал:

– Стоп!

Микрофон гарнитуры передал команду Шусту, машина тут же начала сбавлять ход. Дождавшись полной остановки, Карат прикончил лотерейщика одиночным выстрелом в голову, после чего начал озираться в ожидании новых целей. Автомат оснащен приличным глушителем, но бесшумным это его не сделало, да и мотор свою лепту внес. Если кто-то что-то услышал, пожалует без проволочек.

Прошло полминуты. Минута. Никто не появился.

Решившись, Карат вновь подал голос:

– Выпотрошу клиента. Ди, прикрывай.

Девочка, высунувшись из своего люка, закрутила головой, высматривая незваных гостей, а Карат, спустившись, торопливо приблизился к туше и вытащил нож. Несколько секунд не самой приятной работы, и вот он – результат: пара споранов и горошина. Очень даже неплохо, ведь в тварях такого уровня невзрачные желтоватые шарики встречаются с очень небольшим шансом. В среднем надо штук пятнадцать лотерейщиков извести, чтобы нарваться на приятный сюрприз.

Вернувшись, занял свое место. Не удержавшись, поделился приятной новостью со спутниками:

– Фартовый лотерейщик.

– Разбогатели, – буркнул из наушника Шуст, после чего машина стронулась.

Ну да, а почему бы не побурчать? При таких богатствах еще одна горошина – мелочовка, о которой стыдно заикаться. Но курочка по зернышку клюет, поэтому Карата радовало, когда трофеи оказывались побогаче, чем ожидалось.

Лес закончился, будто обрезало, машина дернулась на колдобине, образовавшейся на границе кластеров. А дальше начинался совершенно иной

пейзаж – неровное поле, кое-где утыканное чахлыми деревцами и кустарниками. Трава под корень подъедена коровами, оставившими множество навозных лепешек, местами виднеются обширные выжженные проплешины, среди которых там и сям ржавеют остовы разбитых и сгоревших машин. В том числе боевых: оставшиеся без колес корпуса бронетранспортеров, с развороченными бортами, а то и перевернутые, да танки, башни которых валяются отдельно от порыжевших из-за ржавчины корпусов. На глаз, не меньше десятка единиц приличной техники и столько же обычных грузовиков – знатное побоище.

Шуст, остановившись без команды, спросил:

– Ты это видел?

– Я же не слепой.

– Похоже, и недели не прошло. Неплохо тут постреляли.

– Ты это не слышал?

– Да отсюда до нашей баржи километров тридцать пять, если по прямой. Это какие уши надо отрастить, чтобы с таких далей все слышать? Похоже, колонной шли, по этой же дороге, навстречу нам. И их встретили прямо от леса. Вон, сосны побиты да повалены, эти отстреливались, пока могли. И воронку на дороге видишь? Вон, возле танка раскуроченного. Фугас там стоял.

– Да, похоже на фугас. Ждали их.

– Не знаю, кого тут ждали, но дождались. И дальше смотри, там вроде городок или поселок крупный. Я предлагаю объехать его по полю.

– Может, лучше назад вернемся? Объедем лес с другой стороны.

– А эта сторона чем тебе плохая?

– Да не нравится мне эта техника...

– Почему не нравится?

- Понимаешь, кто-то ее сжег. Два десятка машин – это приличные силы... мягко говоря.

- Не Сталинградская битва, конечно, но да – прилично наколошматили. Только те, кто это устроил, давно уже не здесь. Нечего им тут делать. Иммунные сюда почти не забредают, а новички недолго остаются нормальными людьми. Они могли заурчать в тот же день. Тварей уже нет, а должны на такой шум толпой набежать. Получается, все здесь подчистили и дальше подались. Забудь, что было, в Улье живут часами, а не длинными сроками.

- Часами? А ты часто видел, чтобы такую колонну вот так разносили? Без шансов. Вон, посмотри на опушку. Я вижу сосны побитые, вижу воронки, но не вижу ни одной подбитой машины. Те, кто это устроил, обошлись без потерь. Это явно не школьники поработали.

- Да кто угодно мог поработать. И не обязательно техникой. Я вижу четыре танка и семь бэтээров. Остальное – обычные «КамАЗы», на них даже пулеметов не видать. Груз везли, а может, людей, поди теперь пойми. Приличный кулак, только раскатать его можно запросто. Эти по обе стороны засели, вон, тоже деревья побиты. Несколько расчетов с «птурами», гранатометы станковые и ручные. Фугас рванул, тут же из всего этого добра залп дали. Кого сразу не накрыли, начали разворачиваться из походного строя, стреляли при этом, да только их одного за другим угмонили. Вон, ни одна коробочка далеко от дороги не успела уйти. Грузовики да, некоторые успели. Может, вообще ушли, откуда мне знать. Нашумели здесь так, что за километры зараженных пригласили. Сам знаешь, их тут много, и долго звать их не надо. Оставаться в таком месте смысла не было, сплошной риск, так что давай подсолнухами поедем, нет здесь никого. Давно нет. А поселок этот мне не нравится.

- Поселок как поселок...

- Ну да, дома и все такое. Да только куда твари подевались, после того как поле это подчистили от падали? По уму, туда в первую очередь должны были податься. Даже если потом дальше пошли, кто-то задержаться мог. Из крутых. Крутые в первую очередь на пальбу прибегают.

- Все равно не нравится мне эта идея... Мне тут все не нравится.

- Да что тебе не так?

- Называй это дурным предчувствием.

- А поконкретнее?

- Поконкретнее? Поконкретнее скажу так: я воевал и видел всякое. Чтобы наколотить столько техники в одном месте, надо или конкретный удар артиллерией, или с воздуха накрыть, или привести приличные силы, укомплектованные грамотными ребятами. Это было знатное рубилово, редко похожее видел. Я могу поверить, что сюда занесло одну военную часть и она устроила марш с броней и «КамАЗами». Но чтобы ее остановить, нужны силы не меньше. Еще такую же часть занесло? Тогда какого хрена они сцепились? Скорее в атомитов поверю.

- Не. Атомиты тут не водятся.

- Откуда знаешь?

- Да просто головой думать умею. Здесь край Пекла, это территория зараженных. У атомитов с ними тоже терки, не уживутся. Мелкая группа, в какой-нибудь берлоге - возможно. Но у такой силенок не хватит серьезный бой устраивать. Дальше болтать будем или все же поедем? Вон, мертвяки от поселка уже подтягиваются. Вижу там пару крупных экземпляров. Неплохо бы выпотрошить, но не дадут, мелочи с ними много, а начнем стрелять, еще набегут. Сваливать надо, пока задницы не надранные.

Глава 8

Карат вообще не разбирался в сельском хозяйстве, в частности - в подсолнухах. Про эти мог лишь сказать, что они очень уж высокие и с огромными тяжелыми соцветиями. Казалось, бронетранспортер не едет, а плывет по желтому морю. Хотя разве это море? Так... озерцо. Вон, берега неподалеку виднеются, - сходятся две лесополосы. К одной из них прямым ходом правит Шуст, обоснованно надеясь найти тянущуюся вдоль нее дорогу.

Краем глаза заметив слева вспышку, Карат, еще ничего не осознав, повернул голову. Успел заметить опадающие лепестки головок подсолнухов, разнесенных чем-то по прямой линии, как тут рядом громко рвануло. Что-то приличное сработало метрах в пятнадцати правее и дальше.

Детали разглядеть не сумел: слева снова сверкнуло, да не раз, а серия прошла. Низкая облачность надежно скрыла землю от солнца, потому иллюминация просматривалась прекрасно.

Давя на гашетку, прокричал:

- Шуст! Ходу!

В тот же миг по корпусу бронетранспортера врезало тяжелым молотом, а через секунду еще пару раз, так же сильно, калеча металл и то, что он защищал. Внизу завизжала Диана, и Карат даже нашел в себе силы удивиться тому, что расслышал девочку за всем этим грохотом.

Не до удивления ему сейчас, целиком занят тем, что вбивает очередь за очередью, сам не понимая куда. В сплошную зелень лесополосы, откуда то и дело выносились стремительные росчерки трассеров. Этих можно не опасаться, ведь они куда-то мимо пролетают. Опаснее те, которые заметить сложно, потому что они не линии-росчерки, а точки.

Точка – это плохо. Это значит, что пуля летит в тебя, или почти в тебя. И пули эти выпускает не автомат или винтовка, там что-то тяжелое работает. Что-то вроде пулемета, из которого сейчас пытается огрызаться Карат, а может, и посерьезнее. Точно не понять, да и нет смысла понимать. Сейчас надо или драпать, или подавлять противника.

Да что за черт! Почему он видит трассеры, но не видит вспышки на дульном срезе оружия?! Куда прикажете стрелять?!

Словно в ответ на его невысказанные мысли, в зелени лесополосы на миг вспыхнуло конкретно, с головой выдав расположение позиции противника. Но ни обрадоваться этому, ни воспользоваться полученным знанием Карат не успел. Вместо стремительной пулеметной пули вальяжно неспешно прилетело нечто столь нехорошее, что на это смотреть было страшно всю ту секунду, которую

оно потратило на преодоление немаленькой дистанции.

После чего ударило куда-то в кормовую часть бронетранспортера. Но уже не молотом, зажатым в лапе великана, а с разрывающим уши грохотом взрыва, который заставил содрогнуться тяжелую машину.

Или снаружи от дыма потемнело, или в глазах от сотрясения, но видеть Карат стал плохо, а слышать вообще перестал. Только нос работал исправно, заполнившись смесью запахов горячей химии и раскаленного металла. Единственное, что удалось понять, – машина не потеряла ход, а до лесополосы, к которой так и продолжали двигаться, осталось не меньше пары сотен метров. И этого, скорее всего, вполне хватит, чтобы перезарядилось оружие, с выстрела которого началась схватка. Именно оно устраивало взрывы, а пулемет – так себе... сопровождал потихоньку.

Перестав терзать гашетку, Карат предпринял единственное, что, возможно, могло дать шанс добраться до спасительных деревьев. Пустил дым, благо для этого не требовалось куда-то целиться или совершать иные действия, требующие хорошего обзора. Мортирки, расположенные по бокам башни, одновременно выплюнули заряженные в них дымовые шашки. По-хорошему, этот момент надо продумывать, но нет времени.

Да и проехать осталось всего ничего, нет нужды разводить сложности.

Что делать дальше, если деревья не предоставят защиту, Карат не представлял. Он вообще сейчас не задумывался над тем, чем придется заниматься через минуту.

Эту минуту еще прожить надо, вот и выживал как мог.

Уши слегка отошли, что позволило расслышать вопли Шуста. Товарищ матерился до того истерично, что подсолнухи вяли, но машина продолжала движение. Скатившись в дымное нутро бронетранспортера, Карат едва не наступил на с визгом метнувшегося чуть ли не на потолок кота и подскочил к Диане. Девочка сидела на коленях на полу, обхватив лицо ладонями. Мертвый в такой позе не удержится, так что от души слегка отлегло.

Бросившись к Шусту, проорал ему в ухо:

- Ну как?!

- Да горим, мать твою!!! И я не вижу ни хрена!!!

- Они тоже нас не видят! Норма!

В этот миг бронетранспортер содрогнулся от мощнейшего удара, двигатели его почти мгновенно заглохли. Но это было не попадание снаряда, а столкновение с чем-то серьезным.

Логично предположить, что с деревом.

- Ну все!!! Приехали, мать твою!!! - в оглушающей тишине проорал Шуст.

- Сваливаем! - скомандовал Карат, возвращаясь к Диане.

Схватив ее за предплечья, прокричал:

- Идти сможешь?! Надо выходить!

Девочка оторвала от окровавленного лица ладони, торопливо закивала.

Шуст, пробираясь мимо, бесцеремонно ухватил девочку за руки, потащил к корме, то ругаясь, то кашляя от разъедающего легкие дыма. Едва приоткрыл дверцу, как в щель серой пулей выскочил перепуганный Гранд. А Карат, убедившись, что и кот не сгорит, и о Диане есть кому позаботиться, задержал дыхание, пытаясь сквозь слезы разглядеть хоть что-нибудь. Перехватил один из рюкзаков, вскинул на левое плечо, на правое отправил трубу одноразового гранатомета, поднял тяжеленную винтовку с предусмотрительно притороченной к ней противогазной сумкой, набитой патронами.

Стиснутое броней пространство за это время заволкло дымом до такой степени, что впору заблудиться. Осознавая, что еще один вдох этой отравы - и можно потерять сознание и запечься заживо, направился к выходу. Откуда-то из-под ног вырвался открытый огонь, лизнул сбоку. Карат, вывалившись на землю, покатился по ней, сбивая охватившее штанину и бок пламя.

Подскочивший Шуст потянул в сторону, продолжая орать с несвойственной ему громкостью:

- В другом месте догоришь, кретин ненормальный!!! Валим!!! В темпе валим!!!

Каким-то чудом продолжая удерживать спасенное от огня имущество, одновременно охлопывая тлеющую одежду, Карат оглянулся на падающее деревце, перебитое пулей, краем глаза усмотрел бок завязшего в сбитых акациях бронетранспортера, оценил там и сям виднеющиеся по борту пробоины, решительно остановился, сбрасывая руку Шуста:

- Да стой ты! Не гони!

- Дружище, какое стоять?! Сваливаем!

- Бери Диану и сваливай на точку один. Если там что-то не так, ты знаешь, что дальше делать.

- А ты?!

- А я прикрою. Если гнаться станут, нам далеко не уйти.

Шуст взглянул вперед, где по другую сторону от лесополосы протягивалось еще одно почти безбрежное поле подсолнечника, кивнул:

- Да, хрен уйдем. Удачи, дружище.

- И вам. Давай, ходу. Постараюсь увести их за собой, но сильно на меня не рассчитывай. Рация осталась?

- Я без нее ни на шаг.

- Добро, моя тоже при мне. Но пока помалкивай, только слушай.

- Понял.

Не видимый из зарослей пулемет продолжал выпускать очередь за очередью, сбивая ветви и ломая деревья в опасной близости. Карат, пригибаясь, бросился вдоль лесополосы, спеша удалиться от бронетранспортера, чья дымящая туша выдавала противнику направление для стрельбы.

Шагов через сто решил, что этого достаточно. Выбрался из-под укрытия поросли молодой акации, пригнулся еще сильнее, чуть ли не вспахивая носом землю, пересек грунтовку, тянущуюся вдоль лесополосы. Лишь зайдя на поле, позволил себе выпрямиться. Но не полностью, ведь ростом его природа не обидела, если над подсолнухами покажется голова, ее, скорее всего, захотят отстрелить.

В горящем бронетранспортере начали рваться боеприпасы. Там, среди груза, их хватало, самых разных. И прихваченные из кластера, где нашли свою гибель скребберы, и собранные в мертвом городе за те недели, когда дожидались восстановления Шуста, попутно занимаясь мародерством. Добра столько, что, будь ситуация иной, впору слезами от жадности изойти. Но Карату сейчас ни единого патрона не жаль, он потерял способность испытывать эмоции, он сейчас зверь, охотящийся на опаснейшую дичь, которая, в свою очередь, охотится на него и дорогих ему людей.

И, надо признать, шансов у дичи, возможно, побольше, чем у охотника. Она надежно укрыта стеблями и соцветиями подсолнечника, до сих пор ни разу на глаза не показалась, неплохо вооружена и полна сил.

А у него еще и уши слышат хуже, чем обычно, а про глаза хоть не говори, ведь Карат полностью слеп. Нет, он прекрасно видит те же подсолнухи, но вот что за ними – попробуй пойми.

Продвигаясь по полю, Карату приходилось прилагать немалые усилия, чтобы не задевать стебли подсолнечника. Непросто себя не выдать, когда тащишь длиннущую и тяжеленную винтовку. Тубус гранатомета тоже не подарок, да и рюкзак, пусть и небольшой, тоже свою лепту вносит. Потому скорость выходила смехотворная.

Где-то правее отчетливо заурчал мотор. Это не может быть подбитый бронетранспортер, тот заглох, навалив перед собой кучу из поваленных акаций, и теперь ему остается лишь дымить там до тех пор, пока полностью не выгорит. В случайно захваченную сюда непричастную к происходящему машину не

верилось совершенно.

Следовательно – это враги.

Уши все еще не отошли от пережитого, определить с расстоянием до источника звука не получалось даже приблизительно. Спасибо, что хотя бы направление показывают правильно. Вроде бы. Неизвестно, на чем передвигаются неведомые противники, но машина одиночная, и она перемещается.

Все понятно – приближаются к горящему бронетранспортеру. А вот снова пулемет застрекотал экономными очередями. Увидеть они никого не могли, скорее всего, вслепую лупят по местам, где могут скрываться выскочившие члены экипажа.

Стреляйте-стреляйте... Понятно, что боекомплект сейчас переводят на заросли в лесополосе, ведь на то, чтобы обработать пулями поле, не одна тонна патронов потребуется. И это получится не обстрел, а так... фикция. Пока местоположение Карата неизвестно, он в полной безопасности. Разве что не повезет до такой степени, что прямо на него выедут и задавят. Но это вряд ли, уши не настолько отбиты, чтобы не определить, что враг минует его минимум в десятках метрах справа.

Осторожно присев, положил на землю винтовку, затем рюкзак. Разложил гранатомет в боевое положение, взвел, напрягая уши чуть ли не до боли, выждал, когда продолжающая оставаться невидимой машина прошла мимо.

Пора.

Выпрямившись во весь рост, вскинул гранатомет на плечо, нашаривая противника взглядом. А вот и он, долгожданный, впервые показал себя. Тоже бронетранспортер, но какой-то непонятный. Вместо традиционной башни оборудован сложно устроенным модулем, расположенным в высоко выдающемся выступе на корпусе. Из-за этого кажется, что это не машина, а катер с боевой рубкой по желтому морю рассекает.

Вот в основание этой «надстройки» Карат и прицелился. Улей богат на сюрпризы, в том числе и на нигде не виданную технику, однако общие принципы

понять несложно. Если попасть в облюбованное место, это должно как минимум повредить скрытые в броневой утробе приводы и кабели управления боевого модуля. Да и само хитрое оружие неплохо огребет. Пусть граната и кумулятивная, но фугасное действие это не отменяет, неслабый разрыв в такой близости не пройдет бесследно.

Дистанция метров пятьдесят, цель движется неспешно – почти идеальные условия для меткого выстрела.

Толчок отдачи, хруст сминаемых выхлопом подсолнухов за спиной и разрыв именно там, где и запланировано. Карат успел разглядеть это, уже приседая. Техника пусть и незнакомая, пусть и выглядит малость футуристично, но, по аналогии со схожими «коробочками», с обзорностью у нее все плохо. Нет, при великом желании можно расставить по кругу наблюдателей у бойниц и смотровых щелей или камер понатыкать, но у экипажа и десанта глаз не хватит, чтобы непрерывно осматривать все стороны. В любом случае корме уделят минимальное внимание, а выстрел произведен именно сзади.

Однако, получив такой подарок, техника не обязательно необратимо выведется из строя со всеми, кто в ней находится. Уцелевшие напугаются и разозлятся, они смогут быстро определить направление атаки и уделить ему повышенное внимание. Так что нечего маячить на засвеченной позиции.

Подхватив винтовку, Карат, сражаясь с искушением посмотреть на результаты попадания, попятился прочь, старясь не тревожить стебли. Свои действия он спланировал заранее, и теперь только и оставалось, что с максимальной возможной скоростью удаляться от того места, на котором нашкодил. Подсолнечник посеян рядками, двигаясь между ними, он станет удаляться в правильном направлении – прочь от населенного пункта, который столь неудачно попытались объехать.

И почему именно это направление правильное? Да по очень простой, самой что ни на есть банальнейшей причине. Дело в том, что здесь только что здорово постреляли из неслабых калибров. Мимолетный взгляд на вражескую машину подсказал, что оснащена она не пулеметом, а длинноствольной автоматической пушкой. Ее слышать издали, так же, как взрывы выпущенных ракет, плюс граната тоже не бесшумная. В круге радиусом в несколько километров твари уловили не одиночный звук, а затянувшийся концерт. Случившееся не могло оставить их равнодушными, они сейчас со всех сторон сбегаются к источнику.

И больше всего их мчится со стороны ближайшей застройки, потому как зараженные традиционно тяготеют к населенным пунктам. Вот поэтому все рассчитано так, чтобы убраться прочь, не оказавшись на пути этой волны. И пускай враги, оставшиеся на подбитой машине, сами разбираются с подобной проблемой.

Здесь край Пекла, здесь и работоспособные боевые машины не очень-то рулят, а уж подбитые пребывают в положении консервных банок со вкусным содержимым.

Злобно ухмыляясь, Карат осторожно обошел чуть выбившийся из ряда подсолнух. В этот миг что-то простучало по толстым стеблям и хлопнуло чуть ли не у самых ног, мгновенно окутав до макушки едким дымом. Инстинктивно шарахнувшись, придавил телом несколько толстых стеблей, с головой выдавая свое местоположение возможным наблюдателям. Попытался выпрямиться, метнуться прочь, уже не думая об осторожности, однако ноги не послушались, подломились, а слезящиеся глаза сами собой закрылись.

Зрение отключилось.

Вместе с сознанием.

Глава 9

– Ныэ зырыкаэ.

– Мыож эвыона сыдохлыэ?

– Щыэ зыпарыобуэ.

Сознание выползло из тьмы неспешно и нехотя. Там, во мраке беспомыслия, хорошо, там тихо и спокойно, а здесь, в суровой реальности, что-то вонючее тычет в лицо, больно проводят чем-то твердым по впадинке под носом и одновременно беспощадно мнут уши. Кем бы ни являлись эти неведомые типы,

они хотят срочно привести Карата в чувство самым грубым образом, что не очень-то способствует желанию познакомиться с ними поближе.

Да они не только грубы, они еще и глупы. Несмотря на смоченную какой-то выедающей нос дрянью тряпку, то и дело подносимую к лицу, Карат сумел уловить табачный смрад. Да тут не одну сигаретку тайком пыхнули, тут курили конкретно.

Вот подскажите: кто курит в Улье? Правильно – только не очень умный человек. Умные даже в хорошо укрепленных поселениях стараются это не делать. Привычка – самая вредная, лучше от нее избавиться. Допустим, в данный момент этот стаб безопасен, но кто даст гарантию, что через полчаса периметр не сметет очередная орда? И ты окажешься на ее пути в одежде, пропитанной запахом, который твари еще долго смогут уловить на твоих следах.

Устав сопротивляться действиям «реаниматоров», Карат раскрыл глаза.

– О! Зыркаэ, быач наэ ныэ. Зывэай кыаптаэнэ.

Карат обнаружил себя в сидячем положении. Какое-то ничем не примечательное помещение, похожее на офис не особо преуспевающей фирмы. Спиной прислонен к стене, руки разведены в стороны, удерживаясь в таком положении на пластиковых стяжках, приковавших запястья к трубе, тянущейся к радиатору отопления. В комнате находятся несколько солдат. Именно военнослужащих, а не обычных обитателей Улья, напяливших разномастный камуфляж. Это форма, со знаками различия, строго унифицированная. Никаких излишеств и разнообразия, все как под копирку. Крупные стабы, конечно, способны позволить себе армию с однотипным снаряжением, но никто не заставляет поддерживать его в зеркально-одинаковом состоянии.

Это солдаты ТОЙ армии. С ТОЙ стороны. Средства защиты кожи и органов дыхания не наблюдаются, следовательно, перед Каратом не внешники. Значит, занесло их сюда всем отрядом, причем недавно. Незаметно, что вот-вот мертвяками ходячими станут, хотя и не выглядят идеально здоровыми. Но последнее можно списать на усталость и стресс. Легко догадаться, что на душе у них сейчас хреново, уже сталкивались с чем-то таким, отчего настроение даже у самых невозмутимых опускается ниже плинтуса, а в голове у каждого копошится миллион вопросов.

И тут, вот она – фортуна подворачивается. К ним в лапы попадает не тварь урчащая, а нехороший человек, умеющий обращаться с гранатометом. Помимо обоснованной обиды на его отвратительное поведение, у них может сложиться мнение, что он способен на все эти миллионы вопросов ответить.

А это плохо. Это, черт их всех побери, совсем хреново. Карат и рад бы им рассказать много чего интересного, только как это сделать, если не понимает, о чем они говорят? Языковой барьер, мать его! Он не полиглот, но догадался, что их язык схож с его родным. О смысле сказанного в некоторых случаях догадаться можно, но это самые простые случаи.

А рассказывать придется сложные вещи.

Почти непостижимые.

Ну и как прикажете выкручиваться?

И что случится, когда они его не поймут? Решат, что придуривается? Или просто обозлятся? В любом случае шансы на то, что им захочется провести интенсивный допрос, далеко не нулевые.

Как человек, принимавший участие в военных действиях, Карат сталкивался с вещами, о которых хотелось забыть. В том числе с ситуацией, когда у случайно подвернувшегося пленного требовалось срочно выведать некую информацию, от которой в тот момент очень многое зависело. Уже через час от сведений толку не будет ни малейшего, надо выбирать нужные слова сейчас, максимально быстро.

Мгновенно.

По закону подлости, тот пленный решил сыграть в гордого и несгибаемого героя и поэтому вместо вежливых ответов на поставленные вопросы отмалчивался с презрительным видом. И вот тогда началось то, что нейтрально именуется интенсивным допросом.

Через десять минут пленного пришлось пристрелить. Это даже жестокостью не назвать, это был акт милосердия. Современная медицина, конечно, на многое

способна, но в окопах реанимацию не обеспечишь, а если и так, кто вернет нос, уши и то, что очень важно для мужчины? Пришить? Можно, конечно, но только не в том случае, когда отрезанное и вырванное скармливали псу на глазах у истязаемого.

Точнее – на одном глазу, оставленном именно ради зрительного давления.

Всего лишь две минуты ушло на то, чтобы презрительный вид остался в бесконечно далеком прошлом. Еще через две минуты залитый кровью кусок мяса не просто говорил, он орал, торопливо выдавая все, что просили и не просили. Он хотел лишь одно, чтобы кошмар прекратился.

Там его и прикопали, в развороченном миной окопчике.

А здесь, можно сказать, всем окопам окопы – сплошная передовая, куда ни плюнь. И Карат сейчас в плену.

Зачем им понадобился пленник? Известно зачем – чтобы на вопросы отвечать.

Вот потому ситуация и пованивает хреном...

В комнату вошел еще один вояка. Карат не разобрался в знаках различия этой непонятно чьей армии, но опытный взгляд подсказал, что это не рядовой. И возрастом заметно постарше прочих присутствующих, и вид командирский, и некоторые, до этого сидевшие на столах и стульях, дернулись было при его виде, но потом расслабились.

Ну да, на окопном положении перед командованием расшаркиваться не принято. Конечно, это неписаное правило работает не везде и не перед всеми офицерами, но здесь его придерживаются.

Остановившись перед Каратом, офицер, уставившись немигающим взглядом, строго спросил:

– Ныэймэ?

– Имя, что ли? – предположение выглядело верным, потому не стал дожидаться пояснения, сказал сам: – Карат.

– Ти ныэймэ Каэрат?

– Да, Карат. Воды можно? У меня от вашей химии глотка ссохлась. Вода, ватер, буль-буль.

– Хыарэй быалкать. Гыэт дыробо? Зыванэ? Гыалунэ дэкато ныадсэлав?

– А можно помедленнее и другими словами. Я тебя вообще перестал понимать.

– Дыэрзэнникэ мыэне сыавэрд?! – неожиданно взбеленился офицер, после чего злобно пнул Карата в подреберье.

Того от боли согнуло в подкову, отчего вывернулись скованные руки.

Ну прекрасно... началось самое главное.

Дальше можно особо в подробности не вдаваться. Спасибо, что не нашлось умельца с ножом, или у этих армейцев не принято настолько жестко обращаться с военнопленными. Так, в принципе, у всех не принято, но вот сейчас, в полевых условиях, когда вышестоящее командование даже не подозревает, что в руки подчиненных угодил живой враг, много всяких вещей может случиться.

Нехороших.

Резать не резали, но били столь трудолюбиво, будто на большую премию рассчитывали. А в передышках, отдыхая, офицер вновь нес непонятную ахиною. Карат в лучшем случае догадывался о смысле некоторых слов, поэтому очень редко понимал отдельные фразы, но все попытки дать ответ приносили новые порции негативных ощущений. Допрашивающим или делать нечего, или они настолько тупы, что не способны уразуметь очевидную вещь. Жертва, увы, при всем желании не в состоянии выдать интересующую их информацию.

Да она даже не понимает, что именно их интересует, только предположения строит.

Моральные уроды. Даже по речи это в глаза бросается. Чуть ли не в каждый слог стараются впихнуть «ы» или «э».

Не язык, а мычание дебилов.

Выплюнув выбитый зуб, Карат напряг силу воли, пытаясь не покоситься на истязателей со злобой загнанного в западню волчары. Их такое только раздраконит, а ему это не надо. Ему бы обойтись малой кровью, а там, глядишь, ситуация изменится на зеркальную.

Это Улей, а Улей не любит постоянство.

Офицер выдохнул в лицо струю табачного дыма, после чего небрежно погасил сигарету о кровавое месиво на месте левой скулы Карата, выпрямился, отошел к столу, на котором в беспорядке громоздились патронные цинки и непонятные коробки из разноцветного пластика. Вытащил из одной ампулу, из другой шприц, зарядил его, выдавил содержимое в бедро прямо через штанину, закусил это дело какими-то таблетками, упаковку которых извлек из кармана. Обернувшись, кивнул, ничего при этом не сказав. Но один из истязателей все понял и поспешно накинул на голову пленника мешок.

* * *

Видеть Карат ничего не видел, только свет различал, да какие-то тени, которые иногда перемещались. Зато слышал прекрасно, да и обоняние не потерял.

Увы – это помогало мало. Солдаты неведомой армии трепались охотно, но языковой барьер по-прежнему оставался несокрушимым. Курили они так, как перед смертью не курят, дым стоял, словно при химической атаке, заставляя нервничать. Неудивительно, ведь никотиновые ароматы для опытного иммунного, все равно что солдату Первой мировой окунуться в пары хлора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/artem-kamenisty/s-t-i-k-s-opasnyy-gruz>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)